

№ 34(2) = 411.2/6-5
17 82

Виктор Гаврилов

МАЯТНИК ЗВЕЗДЫ

ДЛЯ ДЕТЕЙ

12+

СТАРШЕ
ДВЕНАДЦАТИ ЛЕТ

Виктор Гаврилов

МАЯТНИК ЗВЕЗДЫ

Стихи

Сургут
2015

УДК 821.161.1-14
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Г12

Гаврилов В. В.

Г12 Маятник звезды. Стихи / Вступ. ст. М. А. Безденежных. – Сургут, 2015. – 176 с.

ISBN 978-5-903725-76-2

Поэт Виктор Гаврилов, член Союза писателей России, живет и работает в Сургуте. В новую книгу вошли стихи разных лет о природе, любви, о городе и деревне, обо всем, что окружает автора. Предисловие написала известная омская поэтесса Марина Безденежных. Книга будет интересна читателям всех возрастов.

В оформлении обложки использован рисунок Варвары Гавриловой.

УДК 821.161.1-14
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-903725-76-2

© Гаврилов В. В., 2015

«Но вместе с сильною строкою нам открывают небеса...»

С творчеством Виктора Гаврилова я знакома уже более 20 лет. Серьезный путь пройден им от первых угловатых стихов, прочитанных на занятиях поэтической студии Омского педагогического университета, первых экспериментов с поэтической формой, первой – светлой и тонкой – книжки «Благослови на счастье» до новой (третьей) книги «Маятник звезды», включившей в себя преимущественно стихи последних нескольких лет.

Автор приглашает нас к серьезному, умному, честному, подчас жесткому разговору о жизни, времени, судьбе, о выборе в этой жизни и этом времени самого главного, важного, стоящего жертв и трат:

Стихов раздуваешь пламя,
Не сгинуть бесследно дабы...
И плачешь.
И жизнью платишь
За то, что дается даром.

А главными для Виктора неизменно остаются любовь и вера, родина и семья, и, что немаловажно, редкое в наше время чувство личной ответственности за это все:

Всякий раз на распутье. Беспечно отчаян...
И теперь не вернуться к цветущим акациям.
Так по ком зазвонили? – за все отвечаю.
Это жизнь. Посекундная тарификация.
(«Я оксюмофон: я не улыбочивый смайлик...»)

Я не кляню свое житье.
Готов молитвой жить и хлебом
И каждый день мешать свое
Дыханье с нашим низким небом...
(«Мне трудно гимны петь весне...»)

Вроде, обо всем пишу,
А выходит о России.

(«Здравствуй, милая моя...»)

Сколько раз я Россию хотел спасти,
А спасала она, берегла в горсти...

(«Русская народная»)

Трудно в стихах Виктора Гаврилова отделить друг от друга эти главные, вечные, сквозные темы – они, как правило, переплетаются, как и в самой жизни. Наверное, поэтому нет в книге и деления на разделы – традиционные (любовная лирика, философская лирика и т.п.) или нетрадиционные (тут уж даже не берусь фантазировать за авторов и редакторов, могущих ориентироваться на времена года, чередование ритмов и многое другое – сама все это когда-то пробовала). Ведь любовная, на первый взгляд, лирика Гаврилова оказывается, по сути, философской, а социальная, публицистическая – пронзительно лирической:

...Я не Бонд, не киношный кумир,
Но когда говорю ей «люблю»,
Всякий раз тем спасаю мир.

Или:

Только, смертушка моя,
Отведи покуда жало,
Рано мне с тобой – в друзья...

Мама мучилась, рожала –
Подвести ее нельзя.

Стихи Виктора Гаврилова – традиционно для него – многоголысы. Мощнейший «вертикальный контекст», аллюзии, реминисценции...

В этом я чувствую уважение и к литературной традиции, корням, истокам, и к потенциальному читателю, с которым эти корни и истоки у автора общие. И если впечатляющий «именник» произведений В. Гаврилова (Овидий, Петрарка, Шекспир, Блок, Мандельштам, Гумилев, Платонов, Вознесенский, Бродский и многие другие) все-таки на поверхности, то скрытые и не очень цитаты из Священного писания или современной поэзии читателю предстоит узнавать самому. Приятно, что автор верит в эрудицию, подготовленность, искушенность своего адресата. Ох, и ответственность на них обоих при этом ложится! ☺

Но уважение к традиции не мешает стихам Виктора быть очень сегодняшними. И речь не только об очевидных «технических» приметах времени, хотя и они в достатке присутствуют:

Превед медвед :)

Качается планета.

За окнами – бардак и песий лай.

Мы все в сети – порока ль, Интернета...

Я нынче трезвый, в смысле, я on-line.

Так для чего свои цифрую строки?

Кто нас услышит в сумрачной глуши?

Но вот опять: «Всем прива! Поки-поки ;)»

И пустота – на сервере души :(

Или:

Ко мне на mail.ru приходит спам

Как знак того, что я кому-то нужен.

(«Январь. Давным-давно закрыт киоск...»)

...Как славно, что, придумав sms-ки,

Не отменили все-таки стихи.

(«Скулит собака? Или тормоза?»)

И молодежь ценит эту способность автора быть «on-line» с ними, отмечая именно его стихи в журналах и хрестоматиях как наиболее близкие юным. Я с удовольствием недавно наблюдала, как на перемене мои ученики-олимпиадники переснимали на телефоны живущую у меня на работе первую книжку Виктора Гаврилова – страницу за страницей, терпеливо ожидая своей очереди. Впечатлило, не скрою!

Впрочем, нетрудно почувствовать даже в минимальном контексте, что в этих «продвинутых» строчках и деталях звучит горьковатая ирония (в том числе – само-):

За вами будущее, за мною прошлое.
И неизвестно еще, кто в проигрыше.

Примет времени в новой книге Виктора немало. Пронзительно современно и страшно прочитываются сегодня «Мадригал Родине», «Песня о гражданской войне» и «Прощание славянки»:

Настало времечко расплат.
И вновь по ветру вьется – точно
Тот самый синенький платочек –
Прощальный плач...

Или:

Видим сон и мчимся никуда,
Пьем в несуществующих тавернах...
Но приходит как-то вдруг беда,
Придавая миру достоверность.

Это именно та гражданственность, признавать которую и признаваться в которой не стыдно, которая не убивает поэзию, а поднимает, возвышает ее, поскольку является искренней, честной, выстраданной, убежденной. В отличие от многих (всяких) лозунгов и деклараций...

Многое хотелось бы еще сказать о лирике этого поэта. Об уже привычно высоком уровне поэтической формы, о постоянном поиске, эксперименте, языковой игре:

Ря/убиновый куст обронил свой щит,
Выморозился и сник.
Он не алеет, а кровоточит,
Падают капли на снег.

...Тут звонче молитва и глуше молва.
С (а)прелестью я заодно.
По веткам спешит молодая листва,
Превращая

в березу

бревно.

(«Аритмия»)

О тонкой образности и точных деталях:

Гаражи. Рядом – с мусором баки.
Миражи, полутени пикассовые.
И звенят кандалами собаки,
И запруду туман высасывает.

(«Гаражи. Рядом – с мусором баки...»)

Словно кровь, клокоча и чернея,
Речка хлынула горлом моста...

(«Послушай, я, наверно, акмеист...»)

И храм тайги вокруг моей деревни
Сработан без единого гвоздя.

(«Сегодня тучи ходят слишком низко...»)

И сколько б не жил – мало...

И тоска

У нас в ногах ложится, как собака.

(«Послушай, я, наверно, акмеист...»)

О небанальной любовной лирике и о неизбежной связи с профессией:

Всюду тебя узнаю: там и тут.
И равнодушьем твоим спровоцирован...
Все же твои бастионы падут! –
Как редуцированные...

Об умной иронии, о любви к родному городу и родной деревне, о способности видеть красоту обыденного, о вере и верности... Но... 12 страниц двенадцатым же кеглем набранных и приготовленных для обязательного (!) включения в предисловие примеров сюда все-таки не могут поместиться. Да, наверное, и нет в этом необходимости, ведь после предисловия будет сама книга...

Отмечу еще, что, при всей цельности, верности одной интонации, существующей, правда, во множестве вариаций, книга не производит впечатления монотонной, непрерывной, не дающей читателю перевести дух, – функцию разбивки успешно выполняют поэтические циклы, венок сонетов, лирические поэмы. Большой творческой удачей автора стали, на мой взгляд, завершающие книгу монологи «Жизнь о любви». Это своеобразная квинтэссенция поэтического и человеческого опыта, осознание и при(н)ятие мира, пути, предназначения:

Летают вороны кругами.
Подъезд обложен «воронками»,
И ясно, в дверь звонят по ком,
Куда ведет меня прямая...
А то, что мир не принимает –
Так я не водка с шашлыком.

Дорога – так, избитый символ,
Ей отдаю и дни, и силы,
Имею всякий раз в виду.

Сшиваю метры на живую.
...Она нужна и существует,
Покуда я по ней иду.

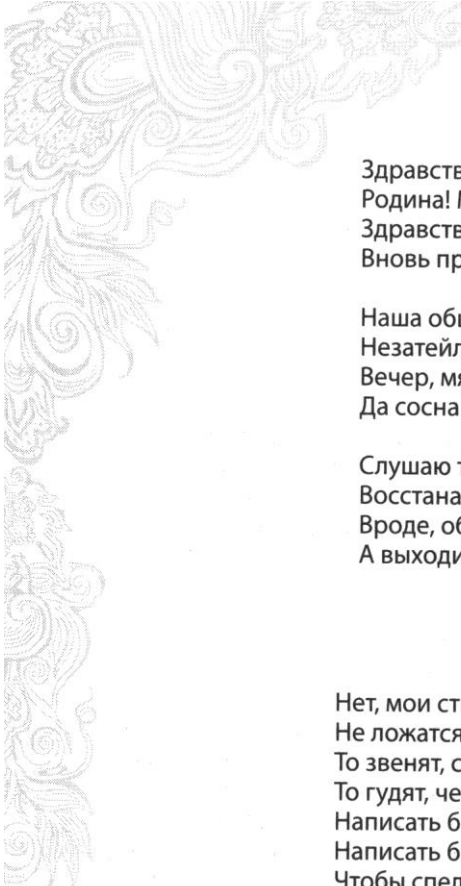
Из горних сфер, селений дальних
Сюда слетают ямб и дольник,
И символы, и голоса.
Не знаю, право, что такое, –
Но вместе с сильною строкою
Нам открывают небеса...

И до кома в горле трогают, цепляют, отсылая нас (тех самых, уважаемых автором читателей) ко многим классикам и современникам (вспомним хотя бы пронзительные, обращенные к Пушкину строки Арсения Тарковского «Боже правый, неужели / Вслед за ним пройду и я...»), очень при этом личные и неожиданные, даже парадоксальные строки Виктора Гаврилова:

...Как жизнь болит! – болит все время.
Неужто все-таки пройдет?

Но пока еще не прошла, будем читать сильные, умные, искренние стихи, открывая в них новое, вспоминая старое, узнавая лучше автора и себя. И я верю, что небеса открывают(ся) не только тем, кто способен родить талантливые строки, но и тем, кто в состоянии, в силах их понять, оценить, задохнуться от радости за чужую удачу, прозрение, озарение, взятую высоту... Они ведь уже и наши тоже. Счастливых всем открытий!

*М.А. Безденежных, член СП России,
кандидат филологических наук*

* * *

Здравствуй, малая моя
Родина! Мы стали старше.
Здравствуй, милая. А я
Вновь пришел к тебе уставший.

Наша общая судьба,
Незатейливая повесть:
Вечер, мягкий свет, изба,
Да сосна в снегу по пояс.

Слушаю таежный шум,
Восстанавливаю силы...
Вроде, обо всем пишу,
А выходит о России.

* * *

Нет, мои стихи не поются,
Не ложатся они на музыку.
То звенят, словно бьются блюда,
То гудят, чем пугают музу.
Написать бы о жизни личной,
Написать бы про наши радости,
Чтобы спел их певун столичный,
Чтоб слышали их по радио.
И торчал посреди уютца,
И ловил бы лучи тепла сейчас...
Но мои стихи не поются –
Плачутся...

* * *

И ночь и мысли спутались в клубок.
В душе, как на вокзале, зло и тесно.
Но рано утром выдохнешь, как песню:
«Да вот она – та самая любовь...»

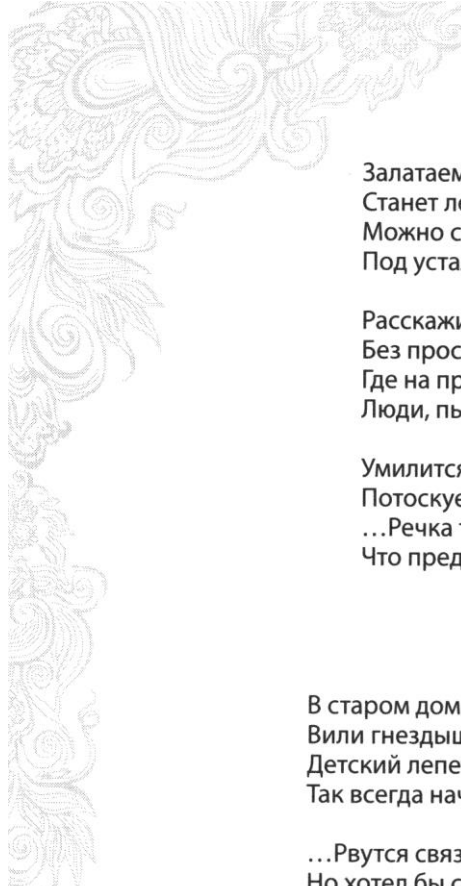
Не стану лгать, что было все не то...
Вот прозвенят разорванные звенья –
И снова остановится мгновенье!..
И не заметит этого никто.

* * *

Может быть, это просто идеи...
Мне так много теперь по плечу!
Я терял и терпенье, и деньги,
А любовь потерять не хочу.

Не устал и не пестую гордость,
Но возможен сценарий иной:
Увезу я тебя в тихий город,
Если только поедешь со мной.

И любил бы тебя что есть силы.
Как бы вместе нам славно жилось! –
На седьмой на руках заносил бы...
Вот без этого мне тяжело.

* * *

Залатаем лодку и
Станет легче жить и лучше.
Можно спорить до зари
Под усталый скрип уключин.

Расскажи мне про уют
Без простуды и ненастья,
Где на праздники не пьют
Люди, пьяные от счастья.

Умилится пусть душа,
Потоскует о просторе.
...Речка тем и хороша,
Что предполагает море.

* * *

В старом доме под звуки Шопена
Вили гнездышко, плача, смеясь...
Детский лепет и мыльная пена –
Так всегда начиналась семья.

...Рвутся связи, не держат канаты.
Но хотел бы с тобой вопреки
Всем разлукам под звуки сонаты
Мыть посуду в четыре руки.

* * *

Этот ветер в лицо, этот снег принимая за благо,
Хмуρο шел на разрыв, не выдумывал веских причин.
Видно, переболел. Понимал, что уже не заплакать.
И совсем ни к чему видеть женщинам слезы мужчин.

Мне бы там повернуть, где кончалась трамвайная ветка,
Где смешались пути. И никто не узнал бы меня.
Я бы мог повернуть, но ищу днем с огнем человека.

Видно, переболел. Неужели не хватит огня?..

* * *

В век витрин, издерганных прохожих
Расскажу тебе про край родной,
Где собаки на волков похожи,
Только злой не знаю ни одной.

Всякое, пожалуй, было в прошлом,
Но, придя к иному рубежу,
Повзрослев, на вещи смотришь проще –
Может быть, об этом расскажу?

Ритм строчек сбивчив, неустойчив.
Монологи не сочти за треп.
Вместо точки ставлю многоточье –
Если плоскость держится на трех...

* * *

Ты – в столице хандры и простуд.
Здесь, как прежде, желанна, любима.
Я живу за рекой.

Две рябины,
Словно крылья, у дома растут.

* * *

Как же смогла ты уйти, уходя?
В городе ветрено, гулко.
Крошатся, крошатся капли дождя
За воротник переулка.

Вечером тихо: ни грез, ни обид.
Вряд ли о прошлом жалеешь.
Холодно. Маленький скверик пробит
Синей стрелою аллеи.

Мы расставались не просто, не вдруг...
Нежность на что мне потратить?
Бездна пространства...

Спасательный круг –
Желтый оконный квадратик.

Элегия

Милая, вместе пускай не дано
Видеть нам летнего ливня свечение,
Если друг другу должны – и давно,
Сумма уже не имеет значенья.

Стихнут обиды, печали твои.
...Музыка – слышишь? – от края до края.
В дебрях акаций горят соловьи,
И ни один все равно не сгорает.

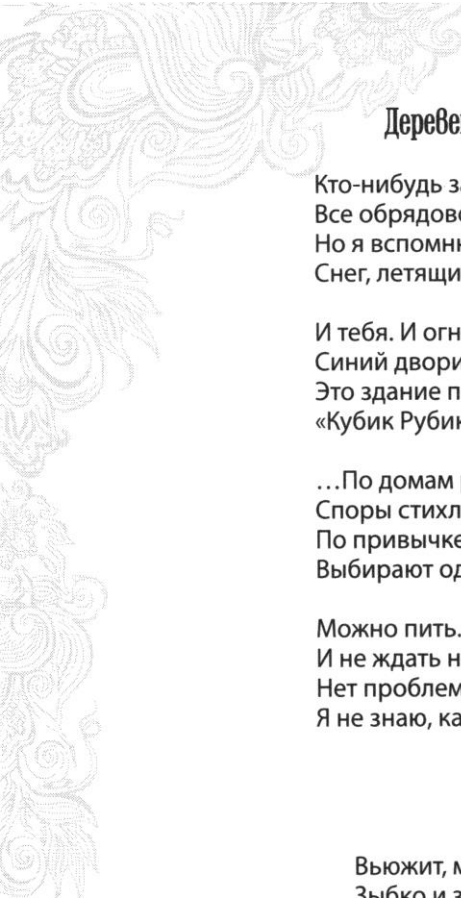
Вспомню опять журавлей в облаках,
Дом твой на улице утренней, мгlistой
И переход, нарисованный, как
Белые клавиши Ференца Листа.

* * *

Ужель та самая Светлана?..
Я к вам пишу... Рука, дрожа,
Скользит. А месяц из тумана
Выходит просто – без ножа.

Родная, грежу, наблюдая,
Как стынет за окошком лес.
...Когда-нибудь приду туда я,
Куда уже дошел прогресс.
Нельзя сказать, что я там не был,
Но чувствовал себя, как тать...

Не плачь. Ты видишь, сколько неба
Для не умеющих летать...

Деревенская свадьба

Кто-нибудь закричит: «Горько!»
Все обрядово и мило.
Но я вспомню – окно в город,
Снег, летящий всегда мимо...

И тебя. И огни. Ветер.
Синий дворик стихов полон.
Это здание под вечер
«Кубик Рубика» напомним.

...По домам разошлись пары.
Споры стихли. Шаги шатки.
По привычке из всех партий
Выбирают одну – в шашки.

Можно пить. Или петь пташкой.
И не ждать ничего даже.
Нет проблем. Все сошлось так, что
Я не знаю, как жить дальше.

* * *

Вьюжит, мотает, кружит...
Зыбко и зябко мне.
В мятой железной кружке
Водки – на самом дне...

Только в полдома печка,
Только усталость век...
Тускло мерцает свечка
В наш просвещенный век.

Я бы водил парады, –
Жаль, что сегодня пьян...
Передают по радио –
«Сабли...» (Хачатурян).

Хлеба кусок и сало.
Снежная ночь – в стекло.
Как же нас разбросало,
Как же нас замело!..

(Жил бы тихонько с нею –
И наплевать на шторм.
Месяцы злого снега...
Все это мне за что?)

Только из непокая
Выбраться помощи! –
Сыт я уже тоскою
Цвета моей тайги.

Вьюга все пуще сердится,
Выкован крепко лед.
В щепки разбито сердце –
Вряд ли уже пройдет...

В этом метельном действе,
Свойственном январю,
Словно в себя вгляделся –
В черень окна смотрю...

* * *

Сжег бы стихи... Не напишешь ста новых
Лучше... Но ты возвращайся ко мне.
Взгляд мой таежного цвета становится
От созерцанья пейзажа в окне.

В сене бессонниц не сыщешь иголки.
Тихая ночь. Мотылек огня...
Я выхожу на дорогу, и волки
О. Мандельштама глядят на меня.

Милая, грусть предавая огласке,
Был я наивен и, значит, смешон.
Все же позволь доиграть в этой сказке, –
Может, закончится все хорошо...

Домик в лесу

Облака разгоняются ветром.
Звезды тихо скрипят на весу.
Разрывая сплетенные ветки,
Расстаются деревья в лесу.

Разбегаются темные реки...
Покидая привычный уют,
Глупо мучаются человеки
И друг другу житья не дают.

Только мы в старом доме – с огнями,
В стороне от печали и лжи.
И как будто не крыша над нами –
Это ангел ладони сложил.

* * *

...Будто взрослая, просишь: «Тише!»
Ты рисуешь цветы и дождь...
Не пытайся взлететь – взлетишь ведь.
Не пытайся уйти – уйдешь.

Так пускай остаются в силе
Краски, бабочки, голоса!..
– Ты рисуешь два моря или?..
– Это бабочкины глаза.

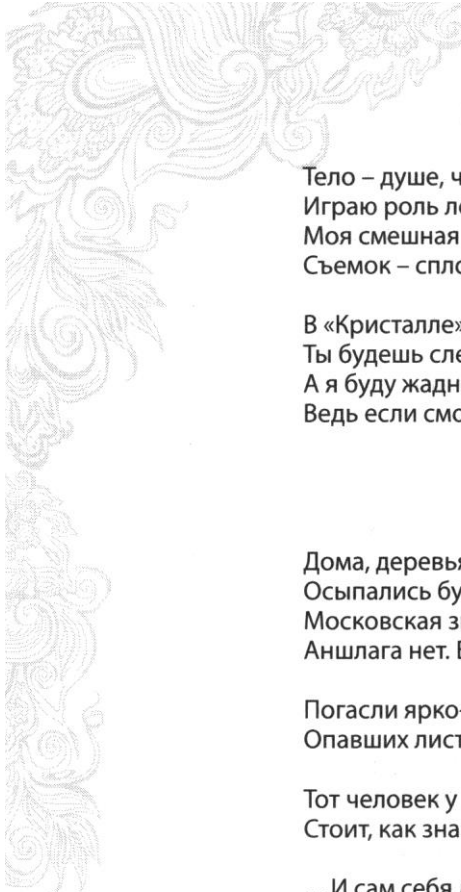
Светит солнце, смеются грузди
И спешит по дорожке еж...
– Отчего же вам, взрослым, грустно?
– Не пытайся понять – поймешь...

* * *

Окраина смотрит невесело.
Я молод. Я сжал кулаки.
В глухом переулке повесился
Последний фонарь от тоски.

Ох, доля бродяжья, актерская!..
Увы, я не кум королю,
И куртка моя поистерлась, как
Славянское слово «люблю».

Прощание – бред мой навязчивый...
Теперь ни побед, ни обид.
Впервые была настоящей ты,
Чтоб дольше не мог позабыть.

Синема

Тело – душе, что жернов – пловцу.
Играю роль ловеласа, гангстера.
Моя смешная зарплата к концу
Съемок – сплошной праздник бухгалтера.

В «Кристалле», нервно платок теребя,
Ты будешь следить за волшебным лучиком.
А я буду жадно смотреть на тебя.
Ведь если смотреть, то лучшее.

* * *

Дома, деревья, солнце – в белом воске.
Осыпались бумажные цветы.
Московская зима. Гастроли в Омске.
Аншлага нет. Все улицы пусты.

Погасли ярко-желтые циновки
Опавших листьев...

Белое движение.

Тот человек у края остановки
Стоит, как знак вопроса в предложенье.

...И сам себя доводишь до предела.
Как волкодав, срываешься с цепи.
Не то чтоб лето быстро пролетело,
А просто не успело наступить.

Один. Один. Один...

Мой куцый опус
Закончен (лучше выдумать не мог).
И лезу в переполненный автобус –
Нельзя, чтоб человек был одинок.

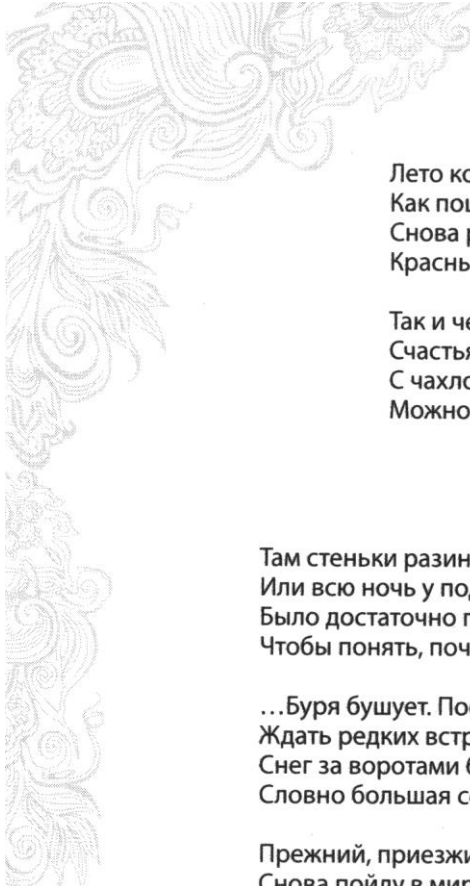
* * *

Знаю одно, – что любовь не зла.
Но к ночи тоска, бесспорно, острей.
Идут, кому не хватает тепла,
На улицу Розовых Фонарей.

Пацан, уповая на власть рубля,
Решил, что пора преуспеть в любви.
Панель – это место работы для
Гаишников, дворников, также и...

Тела их как будто из белых глин.
И прыгают зайчики тысяч солнц
В глазах неудавшихся магдалин
И мармеладовых сонь...

И круг так порочен. И лучше – вне.
Но снова – на месте. Во всей красе.
А ежели принц на белом коне,
То платит, родимый, как все.

Лето коротким будет,
Как поцелуй сестры.
Снова раздуют будни
Красных осин костры.

Так и честней, и проще.
Счастья не будет впредь...
С чахлою этой рощей
Можно и умереть.

Там стенки разины пили, как морс, вино
Или всю ночь у подъезда играли в кости.
Было достаточно просто взглянуть в окно,
Чтобы понять, почему не приходят гости.

...Буря бушует. Поеду. Стихает грусть.
Ждать редких встреч – вот уж точно смешная забава!
Снег за воротами бросится мне на грудь,
Словно большая собака...

Прежний, приезжий, к тебе забреду. Потом
Снова пойду в мир вокзалов, буфетов, станций.
Но возвращусь: «Извини, я забыл пальто».
Что позабыть мне, хорошая, чтоб остаться?

* * *

Если уедешь, то станешь сниться.
Я – за тобою! Согреть, согреться...
Будешь ли за морем, как синица –
В сторону моря качнется сердце.

Жизнь, как известно, движение в гору.
Сяду в автобус. Поверю в чудо.
Все-таки страшное место – город,
Не возвращался никто оттуда.

* * *

Волк, этот город в такой дали...
Мне б не сойти ни с ума, ни с круга.
Знаешь, нам нечего здесь делить,
Раз мы боимся зимы, друг друга.

Я ведь на свадьбу... Ее кольцо! –
Вот оно, здесь...

Что ж так руки мерзнут?
Снова еловая ночь в лицо
Да огоньков деревенских «морзе».

Топь на пути. Неокрепший лед.
Все же – вперед... Не рычи ты зло так.
...А в деревеньке

у тех, кто пьет,
Та же тоска, но свое болото...

* * *

Ничего не желает Макар понимать.
Он опять собирается «вмазать» –
И покажет товарищам Кузькину мать,
Участковому – небо в алмазах.

Он, похоже, влюбился. Народ, трепещи.
– Не мешайте, мои дорогие, –
У телятницы Тони такие... борщи!
И ватрушки с вареньем такие!

С этим спорить, пожалуй, не станет никто.
Он бесчинствует в сумраке мая:
– Выходи, Антонина, скорее, а то
Я колхозный сарай разломаю!

Мужики меж собой посудачат, потом...
(Ни к чему нам подробности эти.)
Он получит по морде. Уснет под кустом,
Может, самый счастливый на свете.

* * *

Тот же век, да прыть уже не та.
Дни мелькают ветрено, летяще.
И меняет светофор цвета,
Не решаясь выбрать подходящий.

Видим сон и мчимся никуда,
Пьем в несуществующих тавернах...
Но приходит как-то вдруг беда,
Придавая миру достоверность.

* * *

Мы шли по аллее... И вдруг –
Кричат!..

Как тут быть вообще?
Жену бьет нетрезвый супруг.
Я против таких вещей.

Но если наказано зло,
То битва была не зря.
И пусть будет людям светло
От моего «фонаря».

* * *

*Но я свою силу знаю.
И я за нее плачú.*

М. Безденежных

Мы прежде много спорили и часто
Молчали, пониманию учась.
И я не знал, что это было счастье,
И потому несчастлив я сейчас.

Плачу по счету, и уже не важно,
В чем виноват...

Гори, моя звезда! –
Я знаю, что скупые платят дважды,
А нищие не платят никогда.

* * *

Клятвы – это пустое. Пощады
Не хотел, возвращаясь к огню.
Знай, что я ничего не прощаю!..
Потому что ни в чем не виню.

Грусть под сердцем – стальнее иголки.
Век двадцатый нахрапист и лют.
Темнота. Огонек зажигалки –
Одиночеству жалкий салют.

* * *

Будет много стихов и дел.
Будет кот, как пират, усат.
Будет дом...

Уходящий день
На звезду запирает сад.

И увидится не во сне
Ясный полдень, в цветах поля.
...И начнется однажды снег –
И не примет его земля.

* * *

Цветы. Буги-вуги. Приметы весны.
Всю зиму я был стариком.
Но спит на диване подруга жены,
Укрывшись чужим пиджаком.

Как медленный маятник – в небе звезда.
В квартире – обычный бедлам.
Но чай так малинов, жена молода.
И гости храпят по углам.

А мы... Словно катимся вместе с горы!
Снег сыплет из тысячи сит.
Журналы отброшены, лампа горит.
И некому погасить...

* * *

Площадями шагаю льдистыми.
С неба сыплет ночная крупа.
Если каждый из нас – единственный,
То откуда берется толпа?

К России

1

Будто замешан в краже –
Притчею стал для каждого.
Russia, тебя нет краше
И беспощадней, кажется...

Впрочем, к чему тревога?
Примешь больного, голого.
...Места в России много,
Чтобы подохнуть с голода.

Я, братцы, устал зело.
Растратил бездарно силы.
Хоть на день хочу в село –
Столицу моей России.

Я знаю – хоть стал не тот
(Худой, от печали серый), –
Черемуха там цветет
И целится прямо в сердце.

Покоя нет. Но есть уют.
Приятели не верят.
Они друг другу лица бьют
И скалятся, как звери.

Своих «окучивать» на кой?
Но бьются Ванька с Лехой.
...Товарищ вот он – под рукой,
А до врагов далеко.

Под вечер притихла Россия.
Ирга набухает вином.
Одна лошадиная сила
Гуляет под нашим окном.

Старушечью зыбкость избенок
Я помнил. И вновь узнаю.
Ты, сердце мое, жеребенок
В черемуховом краю.

...Без боя, как крысы и трусы,
Мы Родину сдали врагу.
Я вырос здоровым и русским –
И больше терпеть не могу!

Магригал Родине

...А многих уж нет: зови – не зови,
В ответ ни полслова: слушай – не слушай.
Все же тебе признаюсь в любви,
Когда еще представится случай...

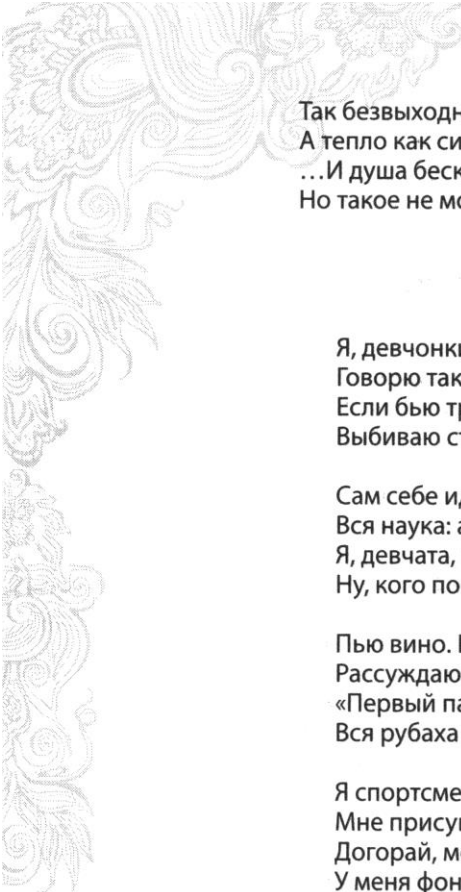
Твои деревенские сны храня,
Держусь, пока не иссякли силы.
Тонка березовая броня,
За которой сердце России.

Для счастья не нужно орудий, брони,
Но если ударят, подставишь правую?
...Не стыдно, что часто тебя бранил,
Мне стыдно, что все это было правдой.

Улисс

Пусть, как прежде, в морской пене лопасти –
В решето превратилась броня...
Пенелопа моя, Пенелопа,
Доконают циклопы меня.

Никогда не хотел быть злодеем,
Но злодеям сейчас хорошо.
Если бил я кого, то за дело –
Время стерло дела в порошок...

Так безвыходно, грустно и снежно!
А тепло как синица в горсти.
...И душа бесконечна, конечно,
Но такое не может вместить.

* * *

Я, девчонки, парень ловкий.
Говорю так неспроста.
Если бью траву литовкой,
Выбиваю сто из ста.

Сам себе иду на смену.
Вся наука: аз да ять...
Я, девчата, парень смелый.
Ну, кого поцеловать?

Пью вино. Валю деревья.
Рассуждаю о стихах.
«Первый парень на деревне,
Вся рубаха в петухах!»

Я спортсмен и молодчина,
Мне присущи ум и честь...
Догорай, моя лучина,
У меня фонарик есть.

* * *

Нет, страшнее пистолета
Бесконечная зима!..
То ли правда было лето,
То ли брешет пес Кузьма?

Я пойду к врагам – ведь были.
Чай, не выгонят взашей?
Встретят чашкой чая или
Кулаком промеж ушей.

...Мира нет. Труды напрасны.
Над горой тюльпан огня.
Синий вечер залит красным,
Как рубашка у меня.

* * *

Кто, задыхаясь, кричал на бегу
В черную стынть поднебесья?...
Красные ноты на белом снегу –
Чья лебединая песня?

* * *

Если я не поэт, значит, – и не пророк.
Отчего же в стихах отречения, измены?..
Как души не исчислить количеством строк,
Так линейкой зари горизонт не измерить.

Мог бы спиться давно, опуститься на дно,
Но хочу, как в кино, быть банально счастливым.
Пью осеннего парка сухое вино
Девяноста девятого года разлива.

Я вернулся... Здесь беднее флора.
А звезда как горькая слеза.
От ночей без сна у светофоров
Красные безумные глаза.

Каменных домов многоэтажье
Листопад читает по складам.
Те же травы гнутся. И все так же
Рельсы лижут пятки поездам.

Вот пунктир свободного паренья...
Вот пустырь заброшенный – да шут
С ним!

Сейчас во мне стихотворенье –
Словно нераскрытый парашют

Говорить про небосклонье буду.
К чуду не привыкнуть, ну и пусть...
...Здесь такая высота повсюду!
Все же прыгну – и не разобьюсь.

Пес

Люди били тебя под дых
И добились, чего хотели.
«Мир для сильных и молодых», –
Так сказали вчера по телику.

Как звенит листопадно жечь
И хохочет луна-пророчица!..
Ты ведь знал, что такое жизнь,
А сдыхать все равно не хочется.

* * *

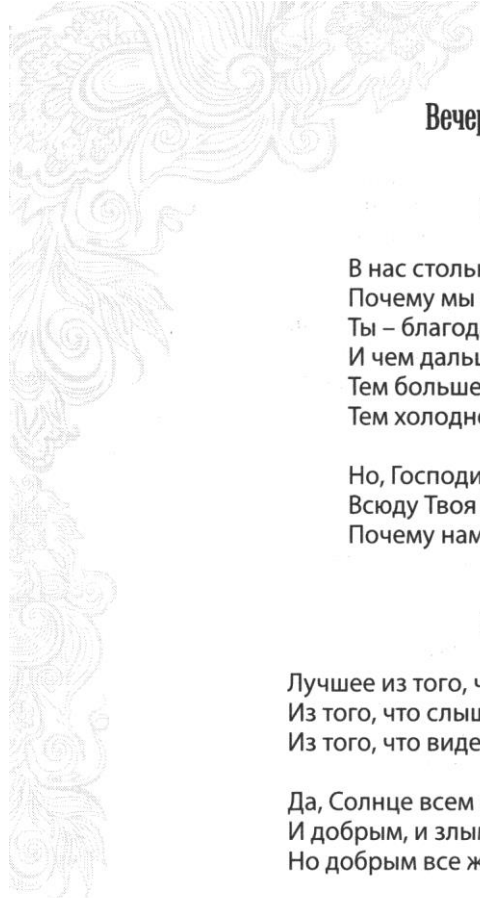
Осень серая. Листья летучи.
Словно зубы, торчат валуны.
За железными ребрами тучи
Бьется мутное сердце Луны.

Осень страшная. Словно во сне я.
Оттого ли, что сны неспроста, –
Словно кровь, клокоча и чернея,
Речка хлынула горлом моста...

* * *

Как воин, пусть бьется сердце –
Так высоки карнизы,
Так коротка минута...
Ползать – какая страсть!

Вот исповедь, братья, сестры:
«Я в самом деле низок:
Мне довелось споткнуться –
Даже не смог упасть...»

Вечерние песни

Песнь 1

В нас столько «мирных атомов»,
Почему мы воюем?..
Ты – благодатное пламя!
И чем дальше мы от Тебя,
Тем больше болезней,
Тем холоднее и страшнее...

Но, Господи, всюду Ты!
Всюду Твоя Любовь!
Почему нам ее не хватает?

Песнь 2

Лучшее из того, что я читал – Евангелие.
Из того, что слышал – церковное пение.
Из того, что видел – ясное летнее небо.

Да, Солнце всем одинаково светит –
И добрым, и злым...
Но добрым все же чуточку ласковее.

Песнь 3

Все возвращается на круги своя –
Замкнутый круг:
Печали, война, измены,
Болезни, тоска, старость...

Как же там должно быть хорошо,
Если здесь так страшно...

Песнь 4

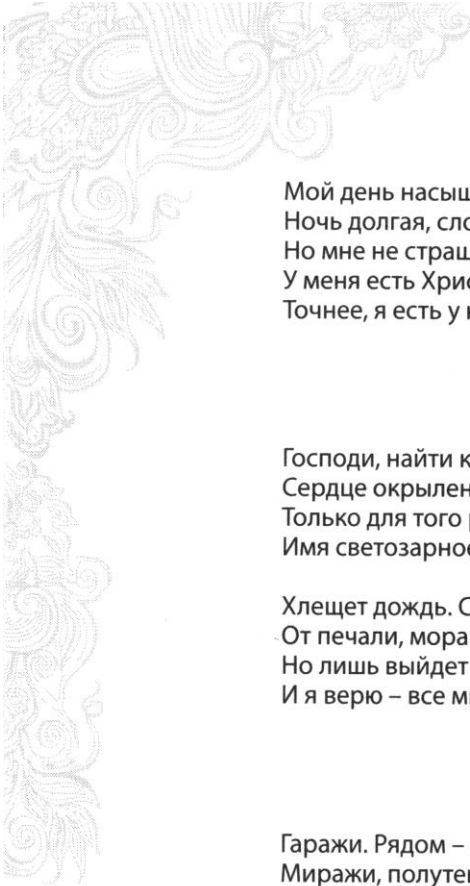
В городе чувствуешь себя человеком,
Только когда переходишь улицу.
Как быть с грехами,
К которым равнодушна милиция?
...Здесь всегда вечер.
Здесь так мало солнца! –
Но замечаешь это,
Лишь когда отдаляешься от Тебя.

Песнь 5

На свете есть много замечательных вещей:
Природа, музыка, семья...
Но без Тебя все это теряет смысл.
Я узнаю ночь не по наличию Луны,
Но по отсутствию Солнца.

Песнь 6

Искреннее покаяние некрасиво.
Что ж тут прекрасного? –
Слезы, сопли, биение себя в грудь...
Но я знаю, что в это время в раю
Вишня душисто цветет
И ангельский хор поет серебряно.

Песнь 7

Мой день насыщен, как сериал.
Ночь долгая, словно титры американского фильма.
Но мне не страшно:
У меня есть Христос,
Точнее, я есть у него...

* * *

Господи, найти какое слово?
Сердце окрыленное поет.
Только для того рожден, чтоб славить
Имя светозарное Твое.

Хлещет дождь. Спасает только случай
От печали, мора и войны...
Но лишь выйдет солнце из-за тучи,
И я верю – все мы прощены...

* * *

Гаражи. Рядом – с мусором баки.
Миражи, полутени пикассовые.
И звенят кандалами собаки,
И запруду туман высасывает.

Опадает листва толстокожая
На асфальт, на скамейки осенние.
А проспекты пустеют, похожие
На стихи Вознесенского.

Снова осень. Бледнеют красавицы.
Суета утихает базарная.
Только тучи по-бычьи бросаются
На материю алую зарева.

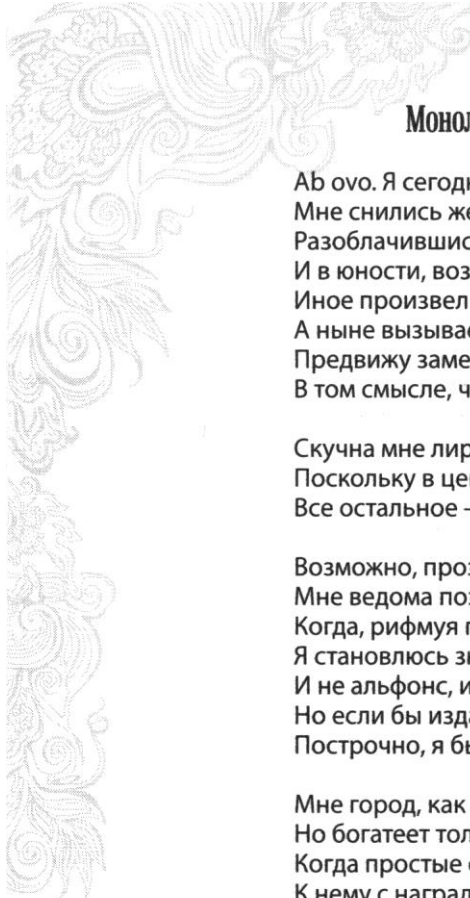
* * *

А не пойти ли нам лучше домой?
В кинотеатрах гуляет пороша.
Заговорив, наш «великий немой»
Не произнес ничего хорошего.

Филологиня моя, подожди! –
Не отпускай менестреля на волю.
Слышишь, режут на Фонтанке дожди,
На Пикадилли, на Марсовом поле...

Чуют весну не напрасно коты.
Грешный, стараюсь поближе к теплу я.
Книжкой по семиотике ты
Загородишься ли от поцелуя?

Всюду тебя узнаю: там и тут.
И равнодушьем твоим спровоцирован...
Все же твои бастионы падут! –
Как редуцированные...

Монолог Казановы

Аб ovo. Я сегодня плохо спал.
Мне снились женщины, что потною толпою,
Разоблачившись, навалились на меня.
И в юности, возможно, этот сон
Иное произвел бы впечатление,
А ныне вызывает страх. И я
Предвижу замечанья пошляков
В том смысле, что стареет Казанова...

Скучна мне лирика, вся эта «греза роз»...
Поскольку в центре все равно «люблю»,
Все остальное – просто комментарий...

Возможно, прозвучит парадоксально:
Мне введома поэзия без слов –
Когда, рифмуя губы с новой нимфой,
Я становлюсь значительней Шекспира...
И не альфонс, и денег не люблю,
Но если бы издатель мне платил
Построчно, я бы стал богаче Креза...

Мне город, как властителю, покорен.
Но богатеет только эскулап,
Когда простые смертные приходят
К нему с наградой ветреной Венеры...

Снаружи вечный праздник, карнавал!
В душе пустынно, пыльно и печально.
И от такого жуткого контраста
Крошатся стены тела моего...

Свой каждодневный подвиг вижу в том,
Чтоб ночью, проявляя героизм
(Художникам и скульпторам подобно),
Лицо любимой светом поцелуев
Опять отвоевать у темноты...

Рэн-style

*Но скорость внутреннего прогресса
Больше, чем скорость мира.*

И. Бродский

Пролог

Этот рэп – подражание сонетам Шекспира.
(Впрочем, я не хотел бы кого-то копировать.)
Рампа, пир и рапира... Пиранья Леты
Все сожрет без труда. И звучит нелепо –
Рэпом передают стиль трущоб уродский.
...Почитай: первый рэпер в России – Бродский.

1

...Я не видел начитаннее человека.
Эта девушка знает, где библиотека.
Зацени – носит юбки чуть ниже колена.
Из какого же ты поколения, Лена?..
Да, влюбленность дает перспективу людям:
Например, что во вторник тебя разлюбят.
И к тому же дает человеку силы
Вдруг заметить, что небо и вправду синее.

Как Ромео Лауре – тебе я не нужен.
Все сокровища ты сберегаешь для мужа.
Уже лужи твой взгляд на такие проблемы –
Далеко до Соляриса (как там у Лема?).
Но одни с грустью слушают музыку Шумана,
А другие берут те сокровища с шумом.
...Просто женщина – это довольно красиво,
И мужчины бывают порой агрессивны,
А в плечах у детинушки сажень косая...
Красота провоцирует, а не спасает.

Жизнь влюбленного нынче, Ромео, спокойна.
Опасаются лишь обрушенья балкона.
Не дадут (даже если живешь ты балуясь)
Умереть от любви, а точнее – от люэса.
И все методы, кроме прощенья, не действенны.
Во врага ты стреляешь, но гибнет Вселенная.
(Среди прочих) война меж полами – единственная
В результате дает нам прирост населения.

Я себе интересен (с печалью, болью...),
Меньше сплю, чтобы поговорить с собою.
Но не властен над тем, что пишу украдкой –
Лишь могу сохранить или сжечь тетрадку.

Что влюбленность? – мираж, суета, мгновенье.
Я знавал настоящее вдохновенье...
Жаль, ни рифмы, ни страсть не спасут от смерти.
Но стихи – это снятые с сердца мерки,
Это след от вечерней зари на небе,
Это пряной звезды холодок на небе.

5

В Энске грабят в подъездах, а не целуются.
Здесь дома об колено ломают улицу.
И на душу бездушного населения
Удивительно низкий процент «влюбления».
Расставанья, ненастные дни – караванами.
Вот возьму и уеду отсюда в Иваново...

6

Совесь, мне так знакомы твои уколы:
Привлекают Вирсавии, не Мелхолы...
И пока вдоль июля снуют «голубки»,
Взгляд мужчин ограничен длиною юбки.
...Дерева по плодам, а костер по дыму
Узнают. Не пора ль о душе подумать?
Хватит этих сонетов о девах. Ну их...
Хватит глупых фантазий. Жена ревнует.
Может, надо жить просто и по-мужичьи?
Но стихи – это то, что в обмен на жизни.
Я сторонник убойных концовок: жаль, но
В этом смысле я не пацифист...

Пожалуй,

Девы – все-таки это красиво внешне.
А коснешься души – не фонтан, конечно.
Даже не ручеек. И, похоже, ты не
В состоянии те пересечь пустыни.
...Я смотрю продолжение, где Монтеки,
О себе не читавший в библиотеке,
Вдруг становится фатом и Казановой.
Вот сермяжная правда, пускай – не ново.
Не пошел бы, как сказочный кот, налево,
Стань жена ему тем, кем Адаму – Ева.

Неужели я в барышнях разочарован?
Началось, вероятней всего, с Гончаровой.
(Понимаю, что двигаюсь по теченью –
Обобщаю, не делая исключений.)
Но послушай: вчерашние недотроги
Фонарями расставлены вдоль дороги.
Узнают их мужчины по тем приметам,
По которым зима переходит в лето.
Ведь у них ни единого нет секрета –
Хорошо, что Петрарка не видел это.

...Ночь играет со мною одними ферзями.
Я не сплю, потолок озаряю глазами.

Что-то хочешь прочесть на страницах души? –
Для начала туда хоть словечко впиши...

И, на месте Ромео, призвал бы к ответу
Драматурга, который угробил Джульетту.

Я свободен, как птицы прошедшего мая.
На крылатых словах ты меня не поймашь.

Но, возможно, я тигр, а вовсе не птица,
Потому что в борьбе обретают свободу.
Я все пью: отчего ж не выходит напиться?
Может быть, в этот раз мне попробовать воду?

Серый свет окружил горожан кольцом.
И куда бы не шел, перед ним – лицом.
Я никак не могу залатать прорех:
По сравненью с белейшим белое – грех.

Эпилог

Этот рэп подо ржанье запейте шекспиртом.
Мне противно дышать вашим воздухом спертым.
Я работать могу на волне позитива,
Но в песочнице шприцы и презервативы,
А на лицах печать не весны, а порока.
Может, правда, пророки, все прожиты сроки?
Вот и все. Время править кастеты и ружья...

P.S.

А хотел написать о любви да о дружбе...

Беседа у камина

Мое почтение, Гамлет! Визави
Поговорим о жизни и любви.
Но в мире ничего нет бесполезней
Таких бесед, бессонниц и болезней...
А хочешь – анекдоты потрави...
Вот на эфес легла твоя ладонь.
Свой выход на финал не проворонь!
Что с этим миром, что с тобой такое? –
Так весело чадит Средневековье...
Еще подбросим сумрака в огонь...

Писать стихи про это и про то
Легко. Ведь не читает их никто.
И мы с тобой, конечно, не соседи,
Но, понимаешь, нужен собеседник.
Тут подошел бы даже конь в пальто.
Ваш астроном... Живое существо,
Предсказывал науки торжество.
Быть может, и казал в кармане фиги, –
Но чтоб сгубить, достаточно сжечь книги...
Достаточно! Зачем его всего?..

У вас сжигали гениев, пока
Их всех не превратили в облака.
(Здесь удивительного ничего' нет.)
...У нас любого могут за червонец
Убить. А ты – про «темные века».
На небе отблеск будто акварель...
Еще на день сегодня постарел.
Встал в семь часов. Позавтракал «Диролом».
Бежал, заткнувши уши рок-н-роллом,
Сквозь лёт Амуром выпущенных стрел...

Любовь – полет листа, неслышный стих,
Безумный карнавал, хлопки шутих,
Поверженные троны и кумиры.
...Огонь, который мог бы сжечь полмира,
Но нежно озаряет вас двоих.
И ты зовешь ее: «I love you yet¹».
Истории печальней в мире нет.
Офелия молчит, глядит на воду...
Шекспир немало погубил народу –
Но как изобретателен поэт!..

Я запою, а ты мне подыграй:
«Когда-нибудь покинем этот край.
Ты плачешь? Дольний мир сродни таможене.
...Чем сумрачнее здесь и невозможней,
Тем очевидней, что такое рай».

Школьная любовь

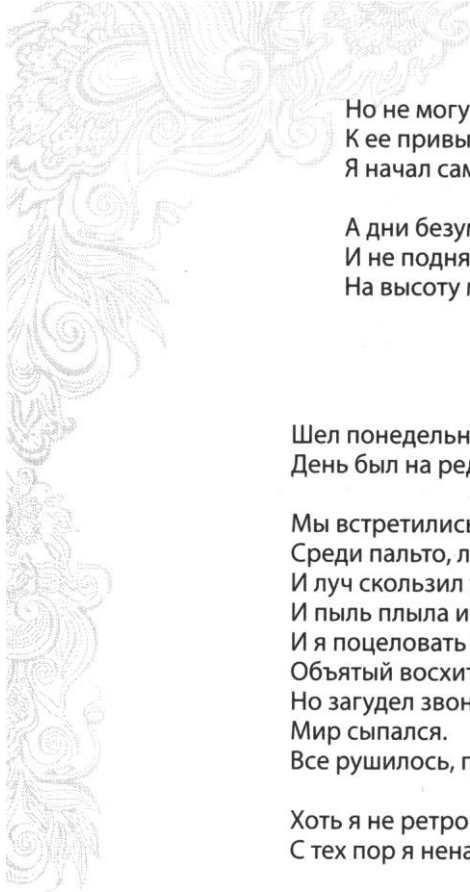
1

...И может быть, сошел с ума я,
Но в мире правды нет иной:
Ее глаза яснее мая...

Мы с ней – за партою одной.
Мне в геометрии что толку? –
Не подготовился опять.
Зато Наташин профиль тонкий
Украдкой выучил на «пять».

Стерплю я ветер злой и резкий,
Привыкну к боли, высоте,

¹ Я все еще тебя люблю (англ.)

Но не могу я – хоть ты тресни! –
К ее привыкнуть красоте.
Я начал сам себе удивиться...

А дни безумно хороши.
И не подняться даже птице
На высоту моей души.

2

Шел понедельник медленно и валко.
День был на редкость солнечен и шаток.

Мы встретились с тобою в раздевалке
Среди пальто, линялых шуб и шапок.
И луч скользил у самого карниза.
И пыль плыла из закоулков темных.
И я поцеловать тебя склонился,
Объятый восхитительной истомой.
Но загудел звонок – с цепи сорвался!
Мир сыпался.
Все рушилось, гремело...

Хоть я не ретроград, не консерватор,
С тех пор я ненавижу перемены.

* * *

Я не ведаю, что со мною –
Словно мина, иду на дно.
Так томится душа весною.
Так пустынно вокруг, темно.
Ты, быть может, других милее,
И пустячна моя вина...
Только «Черный квадрат» Малевич
Срисовал с моего окна.

* * *

С Музейной я свернул в японский сад,
Где сакура прочерчена сквозь воздух,
Как тучи, понедельники висят,
И вторники сверкают, словно звезды...

Истлели самурайские мечи.
Я не был ни героем, ни рубахой,
Но сердце бьется, сердце не молчит, –
Как будто птицу спрятал под рубахой.

По стежке я, ссутулившись, иду
И все никак на чистый свет не выйду.
...Грядущее – что камни в том саду:
Важнейшее теряется из виду.

Все сдвинулось. Я наблюдаю сам,
Как создается положенье пата.
...А в сети перекрестных веток сад
Беспечно ловит рыбу снегопада.

* * *

Ео rus¹. Скажу: «Водитель, трогай!»
И помчимся трассой столбовой,
Чтобы, как подсолнух, всю дорогу
Я вертел беспечно головой...

Ео rus. Наш век уже исчислен.
Гаснут свечи сельского огня.
Ни друзей, ни дома, ни Отчизны.
...И куда вы денете меня?

Песня о невозвращении

Там сиреневый воздух не едок,
Там июль утоляет жажду...
Но туда я никак не доеду,
Не войти в эту воду дважды.

И напрасно сверкают кометы,
Надрываются теплоходы:
От Земли до Луны – километры,
От меня до деревни – годы...

* * *

Сегодня тучи ходят слишком низко.
И сентябрем подернулся урман.
Но паутинки тоненькая нитка,
Как лучик солнца, светит сквозь туман.

¹ Я еду в деревню (лат.)

Сусально позолочены деревья.
И снова остаешься, уходя...
И храм тайги вокруг моей деревни
Сработан без единого гвоздя.

* * *

За окнами то ночь, то лед.
Иного мне хотелось. Мне бы...
Так воробей из лужи пьет,
А мог, наверное, – из неба...

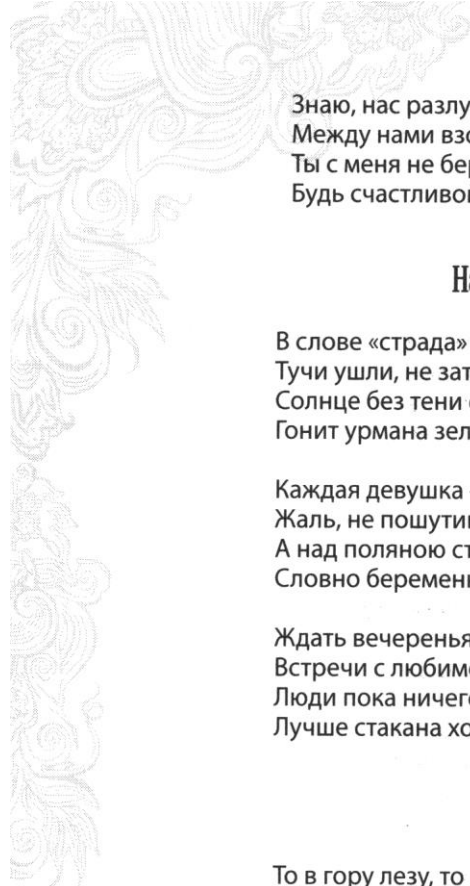
Варе

Будет осень, ворчание пса.
В жилах кровь уж не заиграет.
Стану я стариком писать
О природе родного края.

Зачерствела, как хлеб, душа,
Но нельзя без души и хлеба.
Буду парком сырым дышать
И глядеться в ночное небо.

Забирает тебя вокзал,
И декабрь, и ветер скользкий.
«Время дорого» – что ж, я знал...
Но представить не мог – насколько...

А потом полыхнет зима,
Снегопад будет словно клетка...
Но дождусь твоего письма,
И немедля наступит лето.

Знаю, нас разлучат года,
Между нами взойдет полмира,
Ты с меня не бери примера –
Будь счастливой всегда-всегда...

На покосе

В слове «страда» не страдание, а радость, и
Тучи ушли, не затронули крон.
Солнце без тени сомненья и робости
Гонит урмана зеленую кровь.

Каждая девушка – эх! – хороша с лица.
Жаль, не пошutiшь – работа зовет.
А над поляною стог возвышается,
Словно беременной, круглый живот.

Ждать вечеренья, зеленого шума ли,
Встречи с любимой, наград за труды? –
Люди пока ничего не придумали
Лучше стакана холодной воды...

* * *

То в гору лезу, то качусь по скату...
Сквозь память, через частокол деревьев
Я возвращаюсь в дальнюю деревню,
Но вижу дым, расстрелянную сказку.

Скрип колеса и синий сумрак бора
Теперь могу читать с любого места.
...Снег шел с утра, как юная невеста, –
Теперь лежит, как пьяный, у забора.

Себе

Витек, оставь себя в покое,
Не упрекай ни в чем, не мучь...
Ты видишь радугу в левкое,
Село – за сеткой белых мух...

Твердишь: «Повсюду ложь и волки...»
Твой опыт – книги да кино.
Ведь ни любовницы, ни водки
Тебе познать не суждено.

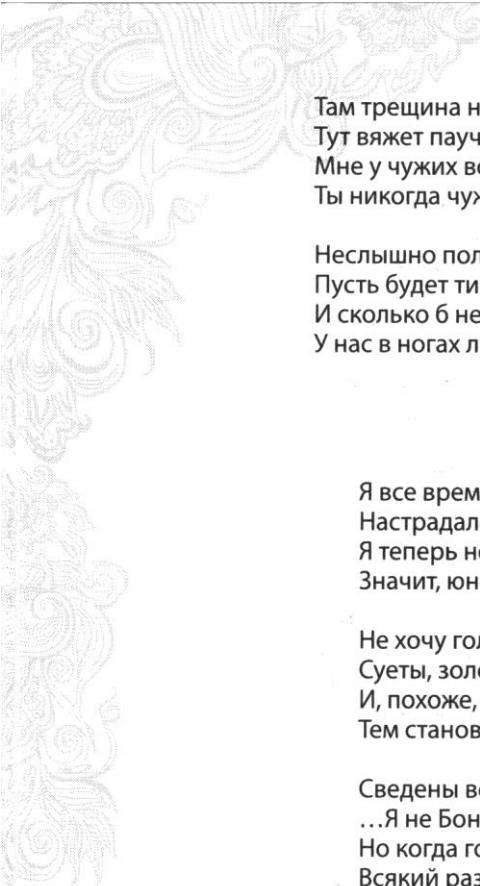
Но что им Моцарты, Платоны?
На что им Гайдн и Тацит? –
Они способны на рингтоны
Кого угодно растащить...

Довольствуйся своей судьбою,
В стихах воспой цирцей, киприд,
И тем будь счастлив, что с тобою
Сейчас хоть кто-то говорит.

* * *

Послушай, я, наверно, акмеист.
Но не дождусь от публики привета.
...В твоё окно тихонько светит лист
Июньского березового цвета.

Твою калитку тополь сторожит.
Журавль – над колодцем. Ну а зори!..
Красивей нет, чем в нашем Заозерье –
Я это говорю как старожил.

Там трещина на бревнах, как стрела.
Тут вяжет паучок узор на спицах.
Мне у чужих всегда прекрасно спится –
Ты никогда чужой мне не была...

Неслышно полночь щелкнет у виска.
Пусть будет тишина, не нужно Баха.
И сколько б не жил – мало... И тоска
У нас в ногах ложится, как собака.

* * *

Я все время влюблялся не в тех.
Настрадался, как водится, всласть.
Я теперь неприметен и тих –
Значит, юность моя удалась.

Не хочу голубых площадей,
Суеты, золотого огня.
И, похоже, чем больше людей,
Тем становится меньше меня.

Сведены все победы к нулю.
...Я не Бонд, не киношный кумир,
Но когда говорю ей «люблю»,
Всякий раз тем спасаю мир.

* * *

Мне трудно гимны петь весне.
Нет сил идти, но ждать не легче.
Теперь уже не сладок снег
И ни одна звезда не лечит.

И не откупорить «Клико»,
И не расставить верно числа.
Беду предсказывать легко,
Поскольку все равно случится...
Я не клянусь свое житье.
Готов молитвой жить и хлебом
И каждый день мешать свое
Дыханье с нашим низким небом...

* * *

То выйдет ночь с Луной на поводке,
Парадным шагом – звездный гарнизон...
То птица пролетит невдалеке,
Углом крыла ровняя горизонт.

Ранимое и злое существо,
Я мучаюсь и не гашу огня...
Но, если вдуматься, нет ничего,
Что разделяет небо и меня.

Пиво, футбол... Неужели самим не противно?
Самодостаточны, будто бы в том их призвание.
Бросьте! О чем вы? Какие труды, перспективы?
Муж в сорок пять – это куча дерьма на диване.

Хватит навоза. Душа – не цветочная клумба.
Окна открой... Но не морем, а гарью повеет.
«Индия духа»?.. Да вспомни хотя бы Колумба –
Как бы ни плыл, ты причалишь опять на Бродвее.

Музы? Их было немало. Все канули в Лету.
Что до любимой – черты злая вьюга стерла.
Будь она хоть Дульцинея, Лаура, Джульетта,
Женишься – и в результате окажется стервой.

Всяк обречен, если он не умеет кусаться.
Рай на земле – я не знаю, что это такое.
Не утешайся, что эра близка Ренессанса,
Переживи для начала Средневековье.

Мороз бранили, дождь ругали...
Июль приносит птичий гам.
Стараюсь жить по вертикали,
Но тень пристегнута к ногам.

Все мысли о насущном хлебе,
И нет полетности в крыле.
И птицы, хоть живут на небе,
Но умирают на земле...

* * *

Катится поезд. Держусь пока я.
Небо июньское в облаках.
А на душе маета такая –
Не погасить, не унять никак.

Ребрами лета торчат деревья,
Гаснет в окошке вечерний свет:
Будто бы мимо родной деревни
Еду – и здесь остановки нет...

* * *

Скулит собака? Или тормоза?
Как двери, на ночь я закрыл глаза.
И только говор города в ушах.
А нам июнь опять поставил шах:

Увидимся с тобой лишь через месяц.
Пора писать, замаливать грехи.
...Как славно, что, придумав sms-ки,
Не отменили все-таки стихи.

Я мог бы измениться в одночасье
И жизнь свою разметить по часам.
И я бы мог счастливым быть отчасти,
Но счастье не бывает по частям.

Бессонной ночью мне совсем не грустно.
Пусть барабанит ливень по стеклу.
Ищу слова. Перевожу на русский
Ночной костер и первый поцелуй.
В столице мира, в сумрачной глуши
Я все ж не больше собственной души.

Письмо жене

1

Сочиняю тебе письмо который год.
Всем сердцем.
Тоскую. Не нахожу себе места,
Поскольку оно рядом с тобой.

Мне не нужно влюбляться,
Чтобы писать о любви.
Женщины чувствуют это.
Никогда не прощают – лишь делают вид...

И только ты настоящая.
...Разлука – древняя русская забава:
Что же, считайте меня патриотом.

2

(Прости, тороплюсь. Некогда рифмовать.
Так голодный ломает хлеб.
Так алкоголик пьет из горла...)

Человек, развивая Канта, – «вещь не в себе».
Человек, развивая Ницше, смертен и слаб.
Никому из ближних не нужен, только себе самому.
Всю жизнь готовится
К личному концу света.

«Любовь со временем становится привычкой» –
Надеюсь, не вредной...

Я люблю ближних.
Но вряд ли – взаимно.

...Враги? Я чихаю на них!
И это – не белый флаг,
А носовой платок.

3

Иногда я циник. Но это – поза.
Иногда ироничен – то же.
Поза, поза...
Сплошная камасутра сознания.

Пусть будет «тоскую» –
Про любовь написано
...даже в толковом словаре.

4

...Рекламный щит на воротах Царьграда:
«Йод – лучший гель после битья».

И трудно искать синкопу в ударах по лицу.

Я говорю: «Какое страшное время!»
Мне говорят: «Полвосьмого».

Я слышал, что человек создан для счастья.
«Проведите меня к нему.
Я хочу видеть этого человека!»

Жизнь – игра ястреба с пичужкой в догонялки.
Финал известен,
Но побороться стоит.

А я не видел прекраснее глаз,
чем у тебя
И у черемухи в мае.

Целую, целую глаза, носик и губы твои.
Вот, вроде бы, и все.
Остальное – при встрече.

* * *

Одуванчики-чики, колокольчики-чики
Улыбаются в нашем лохматом саду.
Золотая трава, тонкий запах гречихи,
И камыш, и кувшинки в колхозном пруду.

Никуда от вечернего света не деться.
Озаряется блеском закатным затон...
Я деревню любил, вы же знаете, с детства,
Но, похоже, теперь только понял – за что...

Взглянешь на небо – кажется, жить будешь вечно:
Ни тревог, ни печали, ни шума грозы...
Замирает камыш. Не кончается вечер.
Над водою не гаснет звезда стрекозы.

* * *

Травы сохнут, травы дремлют.
Все по правде и всерьез.
Знаю, ждут меня в деревне,
За сквозной стеной берез.

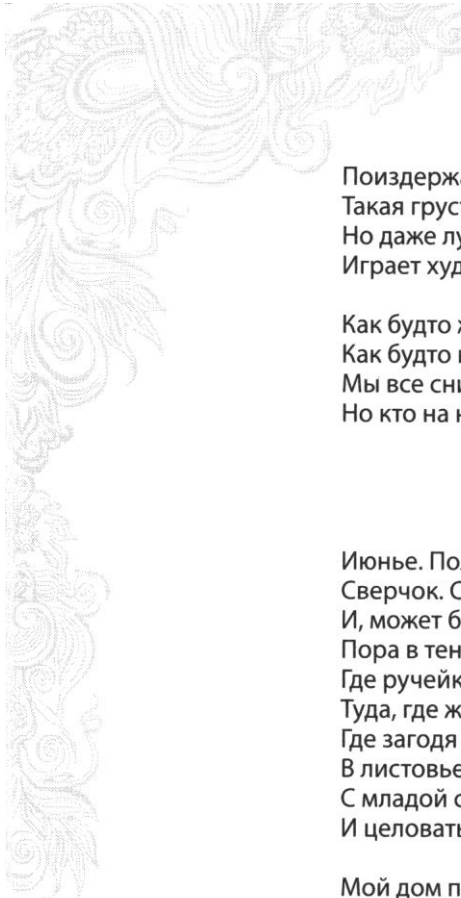
Тоненько поет гармошка,
Солнце льется через край...
Кажется, пройти возможно
По прокосу – прямо в рай...

* * *

Привет вам, играющие в песочницах,
Яблоки хрупающие сочные!

И вам привет, слегка повзрослевшие,
С прическами, как у русалок с лешими, –
На красный свет переходящие улицу.
С лету подружек своих целующие,
Воспитанные на Гарри Поттере,
Размноженные на плоттере...

Вам по колено любое море.
Друг или враг, все одно – по морде...
Не существует для вас настоящего,
Кроме того, что сейчас по «ящику».
За вами будущее, за мною прошлое.
И неизвестно еще, кто в проигрыше.

* * *

Поиздержались, поистерлись:
Такая грустная судьба.
Но даже лучший из актеров
Играет худо сам себя.

Как будто жизнь была недлинной,
Как будто нам осталась треть...
Мы все снимались у Феллини,
Но кто на нас придет смотреть?..

* * *

Июнье. Полная Луна.
Сверчок. Свеча. Глоток вина.
И, может быть, поэты правы:
Пора в тенистые дубравы,
Где ручейком звенит струна...
Туда, где жизнь услад полна,
Где загодя и дотемна
В листовые птицы прячут лица,
С молодой селянкой удалиться
И целоваться... Где ж она?

Мой дом похож на малый юс.
Я одиночества боюсь,
И вот ко мне приходит муза.
Нет у нее детей и мужа...
Друзья, прекрасен наш союз!
А, впрочем, я все об одном...
Довольно мне играть с огнем.

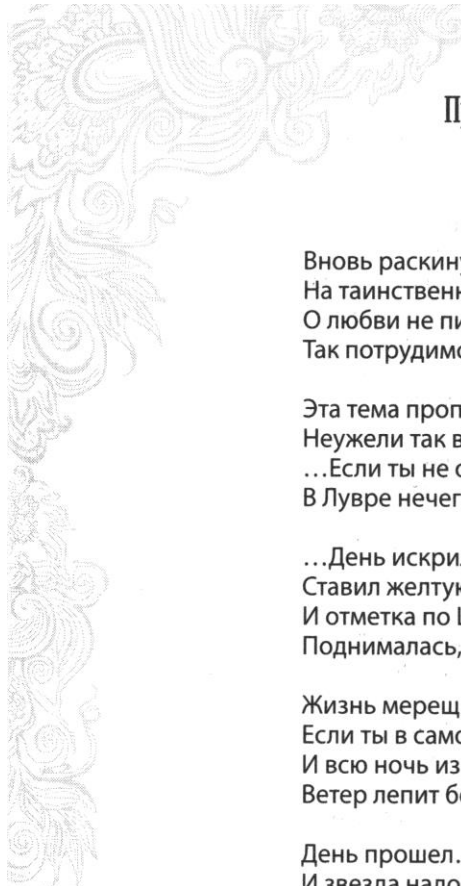
В моей душе, увы, морозы.
(И я поставлю рифму «розы» –
А ждал читатель ход конем...)

Мне говорили: есть аи,
Цикады, лето, соловьи.
...Мы в этом мире только гости.
И жизнь опять играет в кости,
А кости, собственно, – мои.
Печаль извечная – мой крест.
Ночь неоглядная окрест...
Чего ж, поэты, не поете?..
Ведь если ты живешь в болоте,
Любая кочка – Эверест.

Деревня – крюк моей судьбы.
Столбы, дорога, три избы...
Хотя страна у нас большая,
Но кандалы писать мешают:
«Рабы-не-мы. Мы-не-рабы».

А помнишь – я ходил в лито,
Носил сутулое пальто,
В эпоху заревой весны я
Все строил рифмы составные.
Теперь, суди сама, – не то...

И не перевести в аѵи
Моей потерянной любви.
Мы будем счастливы?... Да ну вас!
Средневековые затянулось...
Как петля...

Про любовь

1

Вновь раскинулись звездные нивы
На таинственном небе ночном...
О любви не писал лишь ленивый.
Так потрудимся, братья, начнем...

Эта тема пропитана ядом.
Неужели так выйдет и впредь?
...Если ты не окажешься рядом,
В Лувре нечего будет смотреть.

...День искрился палитрою полной,
Ставил желтую пыль на ребро.
И отметка по Цельсию в полдень
Поднималась, как юбка Монро.

Жизнь мерещится ясной и длинной,
Если ты в самом деле влюблен.
И всю ночь из трепещущей глины
Ветер лепит березу и клен.

День прошел... Или час, или месяц?
И звезда надо мной гасит свет.
Мы сюда возвратились бы вместе,
В это место, которого нет...

Все прозрачней вокруг и восточней...
Ни смеяться, ни плакать нет сил.
Мне б сложить это все, как листочек,
И всю жизнь подле сердца носить.

...И рассвет, словно море, размашист,
А в душе по-июньски бело.
На пропеллерах первых ромашек
В небеса улетает село.

2

Будни стирают нас в порошок,
Но стоит ли горевать?
Молодоженам там хорошо,
Где будет стоять кровать...

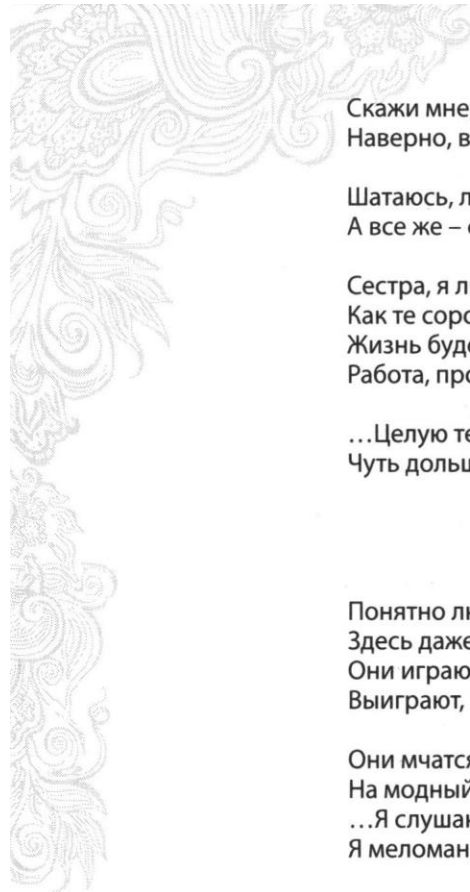
Ночь. Непогода. Четвертый час.
Я вышел навеселе.
...Рай – это место, где любят нас.
Нет его на земле.

Милая, день просто так сгубя,
Я шел сквозь ночную взвесь.
Можно поцеловать тебя? –
Я должен узнать, что ты есть...

3

Ты хочешь мне быть сестрой.
В такую игру не верю.
И как назовешь игрой
Все это... Закрыта дверь, и

Куда мне с моей тоской?
Ночные дожди сквознее.

Скажи мне, кто я такой –
Наверно, в глазок виднее...

Шатаюсь, листву клубя.
А все же – с тобой мы в браке...

Сестра, я люблю тебя,
Как те сорок тысяч братьев.
Жизнь будет у нас проста.
Работа, прогулка, ужин.

...Целую тебя в уста
Чуть дольше, чем это нужно.

4

Понятно любому псу:
Здесь даже летом снежно.
Они играют в попсу –
Выиграют, конечно...

Они мчатся по кривой
На модный мотив таверны.
...Я слушаю голос твой –
Я меломан, наверно.

Осенняя прогулка

Нет листьев. На ветках птицы видны.
Печальная песнь слышна.
И снова прощенья прошу у жены
За то, что сейчас не весна.

...Прекрасней детей в мире нет ничего.
К победам иным я глух.
«Мужчины от женщин хотят одного...»
А ты подари мне двух!..

* * *

На дворе из-за тучи темно.
Новый день по-осеннему тих.
Посвети мне, березка, в окно
Спелой россыпью листьев своих.

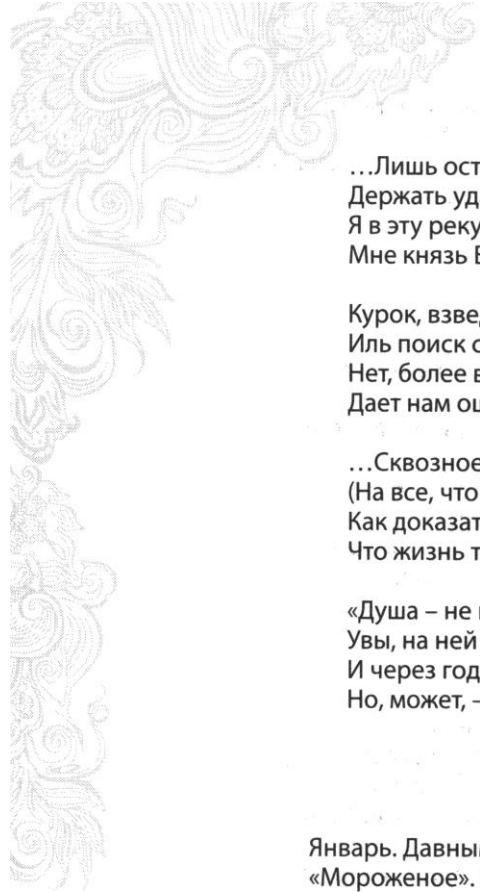
Оторваться хотел от земли,
Разогнать маету и туман,
Но по лужам скользят корабли
И никак не найдут океан.

* * *

Зима еще не надоела,
Поскольку только началась.
Брожу по улицам без дела,
Чтоб снегом надышаться всласть.

В обычный день – грызня и драка,
А нынче – тихий выходной.
И, как бездомная собака,
Поземка тащится за мной...

А завтра вновь лихая рать
Смешает с грязью души, лица...
И трус ли тот, кто жить боится,
Но не боится умирать?

...Лишь остается хорошо
Держать удар, шаги упружить.
Я в эту реку сам вошел –
Мне князь Владимир был не нужен.

Курок, взведенный у виска,
Иль поиск смысла в укоризне?..
Нет, более всего тоска
Дает нам ощущение жизни.

...Сквозное сыплет вещество
(На все, что людно, все, что ледно)
Как доказательство того,
Что жизнь тиха и мимолетна.

«Душа – не вещь», – ты мне ответишь.
Увы, на ней не счесть заплат:
И через годы это – ветошь,
Но, может, – антиквариат...

Январь. Давным-давно закрыт киоск
«Мороженое». Зимнее убранство
Домов, деревьев. Роем белых ос
Прошито вневечернее пространство.

Приду домой и сразу лягу спать,
Так просто в завтрак превращая ужин...
Ко мне на mail.ru приходит спам
Как знак того, что я кому-то нужен.
Смердят грехи. И тени все длиннее.
До райских куш теперь, как до Китая...
Поэтому так рано здесь темнеет,
Поэтому с таким трудом светает.

* * *

Черное утро и белая тьма
С тусклой Луною в стеклянном сосуде...
Я и забыл, что такое зима.

С хрустом ломаются кости сосулек.
Ветер морозный – пощечина... И
Перемешались дыхания наши.
И невозможно сказать о любви
Даже влюбленным и даже обнявшись.

Падает с крыши кусками вода.
Все иллюзорно, и все это «как бы»...
Что удивляться?

Опять – как всегда:
Женщину ждешь, а приходит декабрь.

Превед медвед :)

Качается планета.

За окнами – бардак и песий лай.

Мы все в сети – порока ль, Интернета...

Я нынче трезвый, в смысле, я on-line.

Так для чего свои цифрую строки?

Кто нас услышит в сумрачной глуши?

Но вот опять: «Всем прива! Поки-поки ;)»

И пустота – на сервере души :(

На Северных почти асфальта нет,

Зато есть ветер, солнце, дружбаны,

А также пробки в качестве монет,

Рогатки для ведения войны.

Как весело в грязи оставить след,

Как здорово раскрыть секреты все!

Туда доехать можно в десять лет,

К примеру, на трамвайной колбасе...

Это город дорог,

Ниша машин.

Выхожу за порог, –

К свету вершин.

Без весны было б легче
Сердце изнашивать.
– Ничего, время лечит...
– Только не наше!..

33

Этот возраст настраивает на размышления.
Но в душе не гармония – психоделик...
У Ремарка ищи потерянное поколение...
Мы не математики, но кровать разделим.

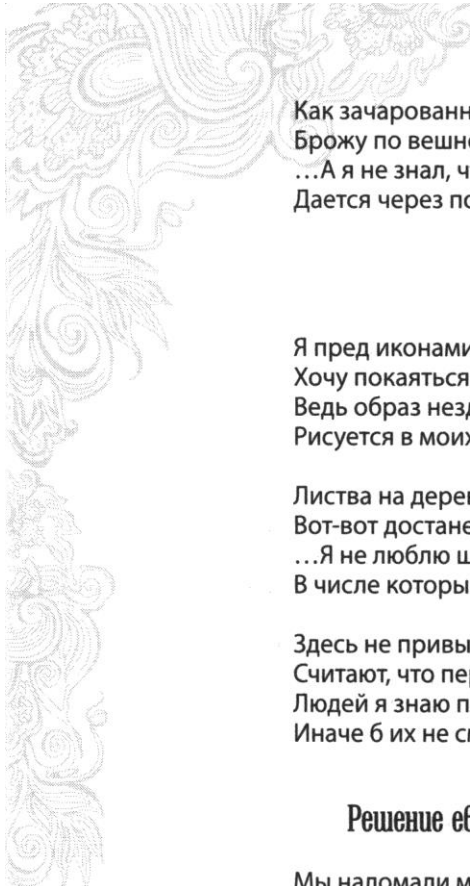
Будут стылая ночь и Луна в остатке,
Словно белая (в профиль) на ветке ворона.
Вся надежда на двери-замки, на ставни:
Оборона от граждан – гражданская оборона.

Снова завтрашний день нас возьмет на мушку.
...И плевать, что на улице крутит вьюга –
Динозавры вымерли потому, что
Сожрали друг друга.

Апрельский романс

К тебе, душа, дышу любовью,
Уверен: будет так и впредь.
А ты прекрасна. И с тобою
Мне страшно чахнуть и стареть.

По горло сыт своей тоскою,
На лире лопнула струна.
И все отнюдь не квест, поскольку
Нет бонусов и жизнь одна.

Как зачарованный, теперь я
Брожу по вешнему селу:
...А я не знал, что счастье пере-
Дается через поцелуй.

* * *

Я пред иконами Отчизны
Хочу покаяться в грехах,
Ведь образ нездоровой жизни
Рисуется в моих стихах:

Листва на деревьях – из жести.
Вот-вот достанет «Вальтер» скот.
...Я не люблю широких жестов,
В числе которых апперкот.

Здесь не привыкли ждать участия,
Считают, что первичен быт.
Людей я знаю плохо, к счастью, –
Иначе б их не смог любить.

Решение еврейского вопроса

Мы наломали много дров.
За годы стихло даже эхо.
Мой лучший друг – еврей Петров,
Но он в Германию уехал.

...Дышали омскою весной,
Картинно лузгали фисташки.
Он за компанию со мной
Влюбился в девочку Наташу.

Аккорды брали, города...
Как сладко прошлое дымится!
...Похоже, я антисемитом
Уже не буду никогда.

* * *

Когда на мир глядишь с любовью,
Когда звездами ночь полна, –
То тихой радостью, то болью
Вся жизнь твоя озарена.

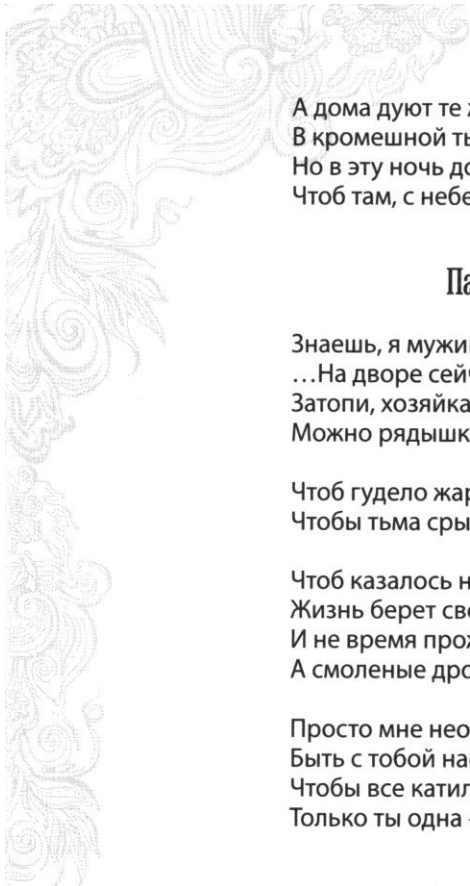
Выходишь ли на стогны града,
Иль ныне веси – твой предел,
Душа поет. Она так рада.
Она свободна в мире тел.

И я, на стоге сена лежа,
Гляжу в ночное волшебство.
...Богаче есть. И есть моложе.
Зато счастливей – никого!

* * *

Душа скорбит. Проулками глухими
Домой иду. И нет конца пути.
...Но люди злы, куда их такими
Я сам считаю. Господи, прости!

Душа скорбит, поскольку многогрешен.
За мной печали вяжутся, как псы.
«Орел» кривой Луны сменила «решка», –
Висит, как привокзальные часы.

А дома дуют те же снегопады.
В крошечной тьме нет места для огня.
Но в эту ночь достаточно лампы,
Чтоб там, с небес, увидели меня...

Пастораль

Знаешь, я мужик серьезный.
...На дворе сейчас морозно.
Затопи, хозяйка, печь –
Можно рядышком возлечь.

Чтоб гудело жарко пламя.
Чтобы тьма срывала платье.

Чтоб казалось нам: другая
Жизнь берет свои права,
И не время прожигаем,
А смоленные дрова.

Просто мне необходимо
Быть с тобой наедине,
Чтобы все катилось мимо...
Только ты одна – ко мне...

Баллада о холостяке

...Вспомнил, как ехал к любимой, до Тары.
(Радостны эти пути и легки.)
Лезвием света единственной фары
Резал дорожный кисель на куски.

Сельский учитель, я принял решение:
Выбрал одну из ста тысяч принцесс.
– Ну а поженимся мы в воскресенье,
Чтоб не нарушить учебный процесс.
Гнал мотоцикл. Мелькали деревья.
И размечтался, мальчишка, о том...

Только царевны живут не в деревне.
Им бы – проспекты да шлакобетон.

...Нет, не знавали больнее тоски вы.
Не было завтра. Я шел по золе.
– Интеллигенция из-за таких вот
Девушек вымрет как класс на селе.

Аграрный блюз

Все ладится вкривь.
Он доходит до точки.
Вливается кровь
В истеричные строчки.

Родник нелюбви
Веселей Иппокрены.
Он беды свои
Переплавит в катрены.

А пища ума –
Расставанья, раздоры.
... Чем больше дерьма,
Тем крупней помидоры.

* * *

Часы цветов показывают вечер.
И я опять иду к тебе навстречу.
Не встречу. И на все махну рукой.

Моя стезя, наверное, кривая.
Такой, как ты, на свете не бывает.
А скоро уж не будет никакой...

Возможно, кто-то посчитает трусом:
«Любить вот так легко. Стоять под грузом
Обетов и забот куда трудней».

Но я иду к тебе, моя деревня,
Я помню, как листвою горят деревья...
Не продерусь никак сквозь дебри дней.

...Как рассыпались кнопочки морошки,
Как расстилались скатертью дорожки!
А ты была румяной, налитой.

Тогда, случайный, городской, неместный,
Тобою любовался, как невестой:
Ах, на ветру черемуха – фатой!..

Но где твой муж? Я вижу только горе,
Да кости ферм, да мусорные горы,
Да пьяниц, от которых нет житья.

...Среди полей недалеко до рая.
Но если ты и вправду умираешь,
Пусть это будет исповедь твоя.

Русская народная

Надоело вычитывать темноту.
Я по сторону эту, а ты по ту.
Ты потупила взор. Ты грустишь одна.
Ночь темна. У тоски не увидишь дна.

Лаптем щи не хлебаю (ведь он с дырой).
Не герой, но бывает порыв порой:
Сколько раз я Россию хотел спасти,
А спасала она, берегла в горсти...

Сами гнали-то счастье свое взащей.
Самогон бьет с отмашки и в глаз, и в бровь.
Может быть, человек – мера всех вещей,
Только нам горе-горькое мерить вновь...

* * *

...И любое вино горячит, словно морс.
И любая река полноводнее Нила.
Я в печали, как мамонт, отчаянно вмерз.
Может быть, потому хорошо сохранился...

Я не верил ни юности, ни красоте.
Вот и кончилось лето. Разбито корыто.
Как наивен и жалок в своей правоте,
Что холодными тучами небо закрыто.

Мы состаримся скоро и станем седы.
До сих пор я, наверно, счастливым и не был.
Наше счастье не дальше вот этой звезды,
Только звезды хоть изредка падают с неба...

* * *

Иду, хохочу. Прав ли? –
Не знаю, мой друг седой.
Но я сам себе нравлюсь,
Веселый и молодой.

Стихи раздаю даром.
Крылато летят слова.
Подмигиваю дамам,
А дамы звонят «02».

Целую девиц. Глядя
Мне вслед, пусть кричат: «Нахал!»
Ты сам был таким, дядя,
Иначе бы не вздыхал ...

* * *

Пускай же знают – есть еще мужчины,
Имеющие девушек в виду!..
Брутальный, как пожарная машина,
По городу пружинисто иду.

То солнце щелкнет по носу витрине,
То с крыши десантируется лед...
Я органичен в мартовской картине,
И к новым туфлям грязь не пристает.

Пусть ветер треплет невозможный галстук.
Пусть ветер треплет стильный галстук мой!
Я двигаюсь наисложнейшим галсом,
Чтоб так разнообразить путь домой.

Вновь без оглядки выбираю фразу
Из воздуха, огней и пустяков:
Души твоей хрустальную вазу
Наполню свежей ландышью стихов!

И ты поймешь, что жить напропалую
Так просто, если чувствуешь родство.
И ты поймешь... Но я тебя целую –
И понимать не надо ничего.

Бокс

И вечный бой...

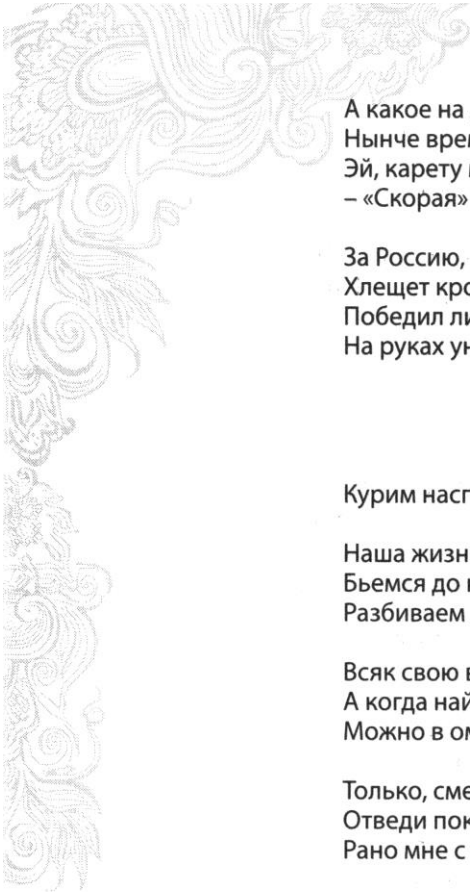
А. Блок

Или мне приснилась Русь,
Золотые травы?..
Знай работай да не трусь:
Левой, левой, правой...

Не сломаться бы в бою,
Побороть усталость.
Я на правую свою,
Как поэты, ставлю.

Не исправить ничего...
Дико воют в зале.
Но прошу лишь одного –
Чтобы отвязались.

Ой ты гой твою ети,
Не мели, Емеля!
Я и сам до десяти
Сосчитать сумею.

А какое на дворе
Нынче время года?
Эй, карету мне, каре...
– «Скорая» у входа.

За Россию, генерал!..
Хлещет кровь из носа.
Победил ли, проиграл –
На руках уносят.

* * *

Курим наспех...
Курам на смех
Наша жизнь на семь ветров...
Бьемся до конца и насмерть,
Разбиваем лица в кровь.

Всяк свою выводит песню,
А когда найдешь края,
Можно в омут или петлю...

Только, смертушка моя,
Отведи покуда жало,
Рано мне с тобой – в друзья...

Мама мучилась, рожала –
Подвести ее нельзя.

Взгляд

*Просто женщины – это
красиво внешне.*

«Рэп-style»

1

Клыкастей немецкой овчарки
Сумрак погибшего дня,
Но женские чары, как чарка
Браги бедовой, пьянят.

Не в силах внимательно, строго
Считывать искренность лиц,
Пока освещают дорогу
Белые ноги девиц.

2

Мы же люди. Что за скотство?..
Ночь. Аллея. Ты да я.
Так не будем опускаться
Ниже нижнего белья.

Ни уйти, ни обернуться.
Звезды гаснут в темноте.
Затянул меня Бермудский
Треугольник декольте.

Женщины в тонких платьях
(Будто на общий суд)
Бюсты свои так плавно
Мимо меня несут.

Требуется сноровка,
Выдержка зим и лет:
Бедрами водят ловко! –
Только присвиستنешь вслед...

Было уныло, серо.
Выдумать лучше смог!..
Миг – и затопчут сердце
Парами стройных ног...

Может быть, это скверно?
...Нравится, так глазей:
Нынче прошел по скверу –
Словно сходил в музей.

Кто-то потом – на стены,
Кто-то вершит грехи,
Кто-то взрезает вены...
Я написал стихи.

* * *

Изгиб от талии к бедру
И эти ямочки на щечках
Придуманы, чтоб длить игру,
Алкать и ставить многоточья...

И тонкость пальцев, поворот
Прекрасной, ветреной головки,
Рубиново-тревожный рот
Нас призваны дурачить ловко,
Чтоб мы не спали по ночам
И лезли от тоски на стены,
Стихом звенели и мечом,
Вершили подвиги, измены.

Порхают нимфы vis-à-vis,
Беспечно глазками стреляют,
Чтоб погибали от любви
Средь городского перелая...

Шататься буду, как в бреду,
Когда любовь придет внезапно,
И так смотрю с надеждой в завтра,
Как будто в минус тридцать жду
Автобус...

Может, я дерьмо
И вовсе ни на что не годен? –
Как долгожданное письмо,
Она все медлит, не приходит...

Какое злое волшебство,
Безумная полетность птицы!..
Пусть не случится ничего –
Душа обязана томиться.

Маршрутом непростым бреду,
Ориентиры вижу четче:
Изгиб от талии к бедру
И эти ямочки на щечках...

* * *

То грущу, то беспечно весел.
Плащ Гарольда на гвоздь повесил.
И никто не давал мне права
Ночевать в золотистых травах
С ненаглядной моей певуньей...
Месяц вывел в ночи кривую.
Мы оставим себе вину лишь:
Мол, «камыш» и «деревья гнулись»...
Больше не повторится это:
Годы будут –
не будет лета...

* * *

Ладони и душа теплом ее согреты.
...Зеленая тоска и мелкий в сетку дождь.
Ты вышел, чтоб купить в киоске сигареты.
И знаешь: никогда обратно не придешь.

Встречает мокрый парк и улица немая.
Шагаешь наугад, проснувшись не вполне.
Она уже не ждет. Она все понимает –
Чернеет, как мишень, в подсвеченном окне.

Торчит то здесь, то там кривой и серый город.
Бредешь, про эту жизнь не зная ни аза.
Сегодня будешь пить отчаянно и горько –
Ведь надо же себя хоть как-то наказать...

Железноводск

1

Холодильник в углу, как натурщица,
В лунном свете окна позирует.
...Этот свет только шторую тушится.
Все вокруг превращаешь в zero.

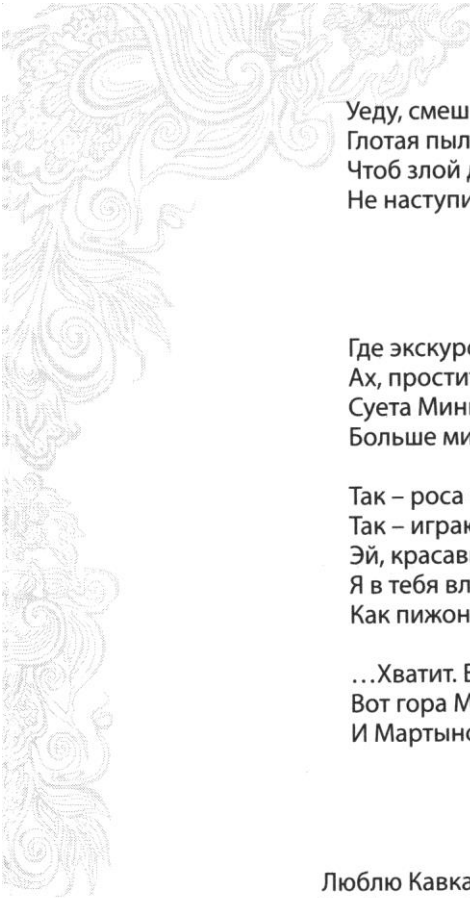
За окном – соловьиная рощица,
У зимы лишь на время взятая.
Желтый свет на акации крошится.
Так по-детски метелям грозят они.

Город, пахнувший спелыми грушами,
Без сомненья, местечко райское...
Каждый вечер, как будто игрушечный,
На маршрутки легко разбирается.

2

Восходит солнышко над нами
В краю чудес.
С горы Железная волнами
Сбегает лес.

Цветет кудрявая картошка,
Струится вьюн.
Я в городок влюблен за то, что
Сейчас июнь.

Уеду, смешивая даты,
Глотая пыль,
Чтоб злой декабрь никогда тут
Не наступил...

3

Где экскурсовод?
Ах, простите – вот!
Суета Минвод.
Больше мин, чем вод.

Так – роса с лица!
Так – играют блюз...
Эй, красавица! –
Я в тебя влюблюсь
Как пижон и шут.

...Хватит. Выпить есть?
Вот гора Машук.
И Мартынов здесь.

* * *

Люблю Кавказ душой эльбрусской.
Эльбрус заоблачно высок.
...Как будто грудью – на эльбруствер.
И кровь как эльбрусничный сок.
Эльбрусья сосен – через речку.

...От горя сгорбилась гора.
И слышу лишь о горнем речи...
Эй, брось, Эльбрус! Ведь – не пора...

Пора любви, пора надежды.
Хватаю высоту, как тать.
Здесь ничего людей не держит.
Вот-вот научатся летать.

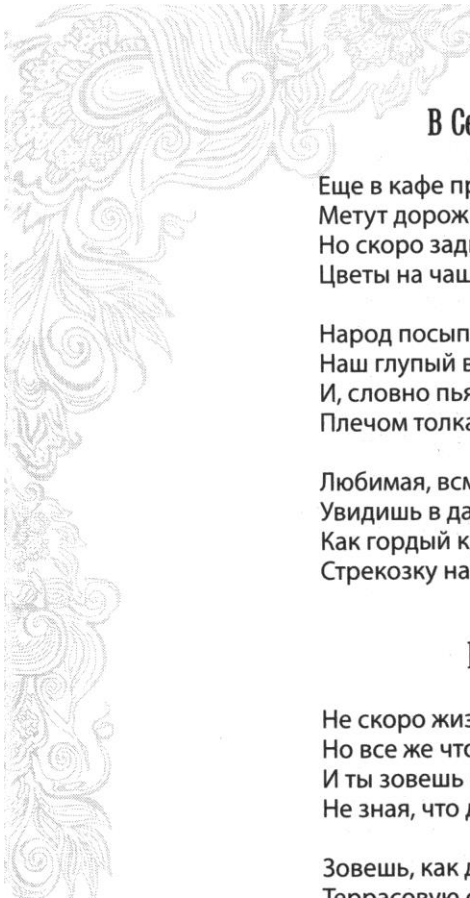
Предисловие к крымской поэме

Пусть над прошлою жизнью не вырос,
Много мусора (знаю и сам) –
Я поставлю себе антивирус,
Чтоб плохие стихи не писать.

Называвшим свободу по имени
Оставлять полуостровость жаль.
Даже неводом долгой поэмы
Красоты этой не удержать.

И шагая печально по лужам,
Буду ждать неприкаянных фраз...

Крым огромен: в карман не положишь,
А на сердце моем – в самый раз.

В Севастополе

Еще в кафе прибрежных пусто,
Метут дорожки там и тут,
Но скоро задымится паста,
Цветы на чашках зацветут,

Народ посыплется, как будто
Наш глупый век еще не спет,
И, словно пьяный, море будет
Плечом толкаться в парпет.

Любимая, всмотришь в меня – и
Увидишь в дальнем далеке,
Как гордый крейсер охраняет
Стрекозку на твоей руке...

К Алунке

Не скоро жизнь. Не скоро утро.
Но все же что-то, кроме, есть:
И ты зовешь меня, как будто
Не зная, что давно я здесь.

Зовешь, как друга, не кричаще,
Террасовую сжав межу.
Приняв мадеры, я все чаще
Себя у моря нахожу.

...Полночь мотыльки творили,
Чтоб я ступил впервые за.
Глядели в душу не твои ли
Араукарии глаза?

* * *

Я к морю хожу за стихами,
Пока не уехал домой.
Ломаются волны о камень,
Рассветы сменяются тьмой...

Взираю, под стать Бонапарту,
На синие залежи вод.
Ветрами отброшенный к парку,
Живу, чем весь город живет.

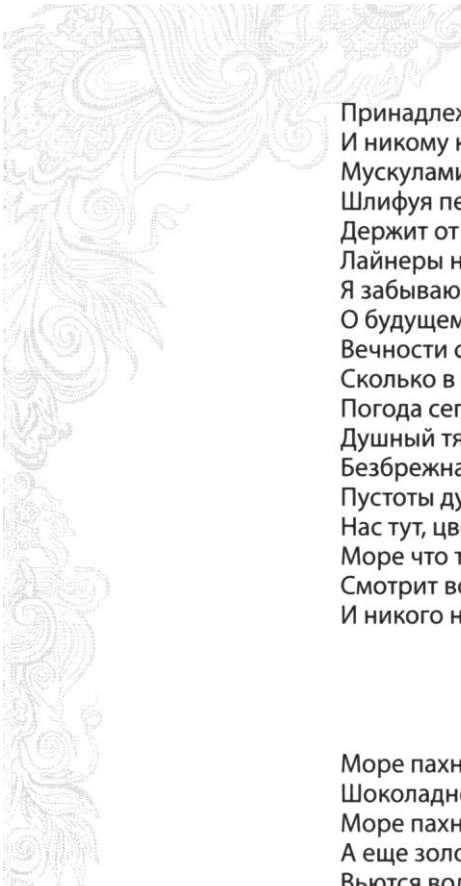
Коль нет флибустьерского духу,
В поэтских делах не нахал –
Ракушку прикладывай к уху,
Записывай, что услышал.

Недельные штормы стихают,
Спокойно гуляет волна.
Я к морю хожу за стихами –
Мне очень нужна глубина.

ЮБК

1

Перебирая четки
Камушков, руша зóнты,
С произношеньем четким,
Как линия горизонта,
Шуршащее, словно сено,
Бушующее нередко,

Принадлежащее всем нам
И никому конкретно,
Мускулами играя,
Шлифуя песчаные донья,
Держит от края до края
Лайнеры на ладонях.
Я забываю о горе,
О будущем и о прошлом.
Вечности столько в море,
Сколько в стихах хороших.
Погода сегодня сонная:
Душный тягучий полдень.
Безбрежная даль способна
Пустоты души заполнить.
Нас тут, цветущих, тыщи...
Море что твой Овидий –
Смотрит во все глазищи
И никого не видит.

2

Море пахнет соленым,
Шоколадно-густым.
Море пахнет зеленым,
А еще золотым.
Вьются воды по скалам,
Дарят мир синевой.
Море пахнет мускатом,
А еще пахлавой.
И волна будто бомба,
Пожиратель пустот.
Как сказал Соломон бы:
– Эта тоже пройдет.

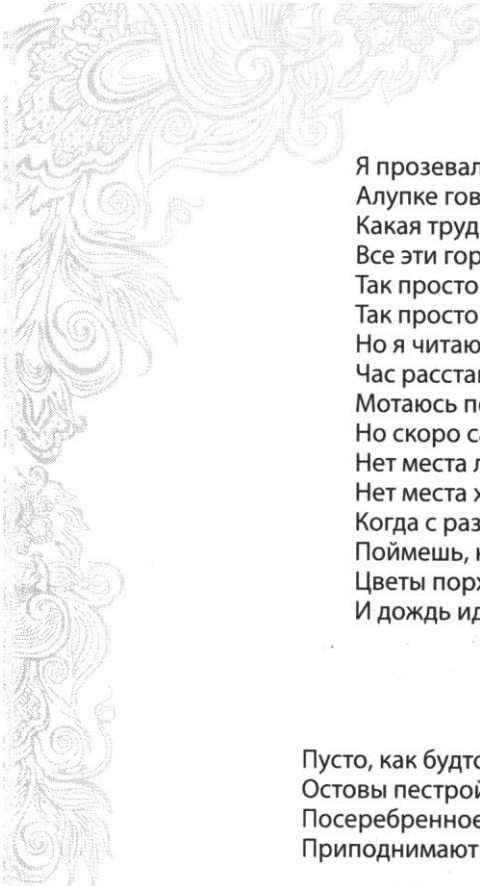
Осыпаются числа,
Гибнет все, что не то.
Море в скалы стучится –
Не откроет никто.
Море пахнет, как розы.
(Дайте рифму на -ко!)
В нем ни капельки прозы –
Тут поэтам легко.
Появляются знаки –
Утешают, грозят...
Вот и все, что я знаю
Из того, что нельзя.

3

Чтоб не жалеть о сбывшемся потом,
Чтоб только позабыть *memento mori*,
Я буду плавать в самый сильный шторм
И получать пощечины от моря.

4

Как много и смысла, и воли
Во всем, что рождается в нас.
Бегут белогривые волны,
Уносят к закату баркас.
Как воздух прозрачен и тонок,
Как розы горят на щитах!
Сегодня никто не утонет
(А Солнце не будем считать...)

Я прозевал все, как тетеря,
Алупке говорю «пока»,
Какая трудная потеря –
Все эти горы, облака...
Так просто песни петь о лете,
Так просто хвост держать трубой,
Но я читаю на билете
Час расставания с тобой.
Мотаюсь песьи по террасам,
Но скоро самолет – и ввысь!
Нет места лучше, чем теряться,
Нет места хуже, чем найтись.
Когда с разлукою в родстве ты,
Поймешь, как трудно счет менять:
Цветы порхают, солнце светит.
И дождь идет внутри меня...

* * *

Пусто, как будто здесь праздника не было –
Остовы пестрой деревни...
Посеребренное низкое небо
Приподнимают деревья.

Жизнь, будто песня, начнется с начала
Под переливы гармошки.
Только бы в вазе окошка стояло
Поле цветущей картошки...

* * *

Нет ничего на свете лучше лета.
Но Болдинская осень для поэта
Отыгрывала вчистую октябрь.
А мне в блокнот двестише хотя бы...

Я снова привыкаю к листопаду
И тополям дорогу уступаю.
Колеса луж скользят по тротуарам.
Я чувствую себя еще нестарым.

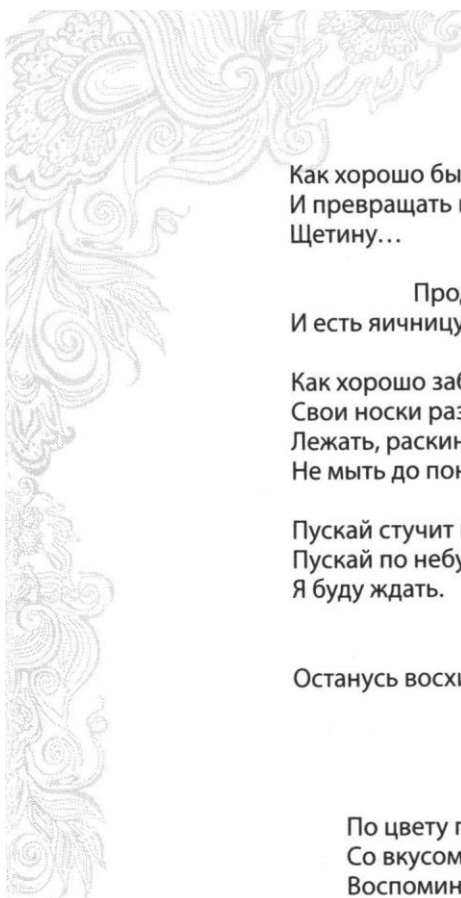
Наш город пьет цветы небесной шири
Так весело из бирюзовой кружки...
Деревьям, словно детям, разрешили
Разбрасывать любимые игрушки...

* * *

Когда слетает с лета спесь,
Когда король цветов низложен,
Я вижу, в мире что-то есть...
Тревога?..

Тополь пьет из лужи.
Встает с колена. И потом
Перебирает пятна света...
А сквер стоит с набитым ртом
И пережевывает ветер...

Когда покой в моей душе,
Когда печаль зажгла полмира,
Не нужно ничего уже –
Но сыплет, сыплет полной мерой...

* * *

Как хорошо быть дома одному.
И превращать в подобие бородки
Щетину...

Продираться через тьму.
И есть яичницу из сковородки.

Как хорошо забыть о суете.
Свои носки разбрасывать повсюду.
Лежать, раскинув руки, на тахте.
Не мыть до понедельника посуду.

Пускай стучит в окно неровный дождь.
Пускай по небу тучи ходят часто.
Я буду ждать.

Пока ты не придешь,
Останусь восхитительно несчастным.

* * *

По цвету патоки густой,
Со вкусом спелого граната
Воспоминания о той,
Чье имя Ната.

Расстроен, как гитара, быт.
Мои заботы вязче ила.
И я хочу ее забыть –
Опять приснилась!..

Я в стол пишу.
Весь пафос мой
Лишен и адреса, и даты...
Так женщина себе самой
Цветочки дарит.

* * *

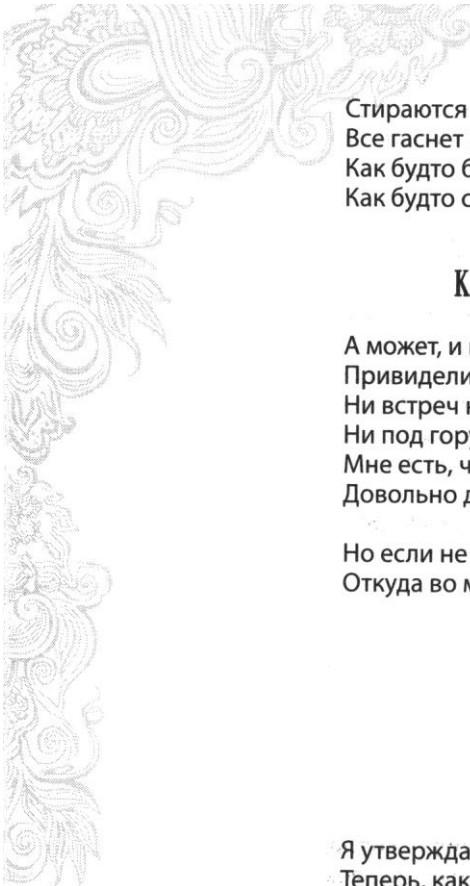
Вся жизнь – до завтра. Там аванс...
Тоска, посуда, воздух затхлый.
Без вдохновенья, без азарта
Вершится бесконечный вальс...
Поэт, конечно, хуже вас,
Но он живет для послезавтра.

* * *

Пускай мне приснится деревня...
Все было бы так хорошо:
Большие-большие деревья
И я возле них небольшой.

И хочется сразу на воздух,
Почувствовать снова – живой.
Там пахнет душистым навозом
И горькою пыльной травой.

Да только приснится не это.
Привидится в дикую рань,
Что стал не похож на поэта –
Алкаш, настоящая дрянь...

Стираются изб очертанья.
Все гаснет в рассветном огне,
Как будто бы есть оправданье,
Как будто спасение – вне...

К деревне

А может, и не было этих дней?
Привиделись краски и голоса:
Ни встреч на заре, ни речных огней,
Ни под гору пущенного колеса...
Мне есть, что поесть и где ночевать.
Довольно душу свою травить...

Но если не было ничего,
Откуда во мне столько любви?..

* * *

*Предоставь мертвым погребать
своих мертвецов.*

(Мф. 9:60)

Я утверждаю, что люди злы.
Теперь, как хлебом, живем войной.
Но в сердце совесть острее стрелы...
Моя Голгофа всегда со мной.

Свадьбу ли тенькают бубенцы,
Сыплет ли искрами синь травы? –
Нет, это бойкие мертвецы
Вновь погребают своих живых.

Не поверну эти реки вспять,
Не накормлю даже пятисот...
Они способны меня распять,
Да только это их не спасет...

* * *

Десять лет как женаты. Просеяны будни.
Только утро с нуля начинаем опять.
Нам с тобой девятнадцать еще только будет,
Оттого и шекспировы страсти кипят.

На свиданье обычно приходят с подарком.
Подарю этой осени бежевый свет.
Я стою, как вратарь, под заветною аркой
И не знаю: забьешь на меня или нет...

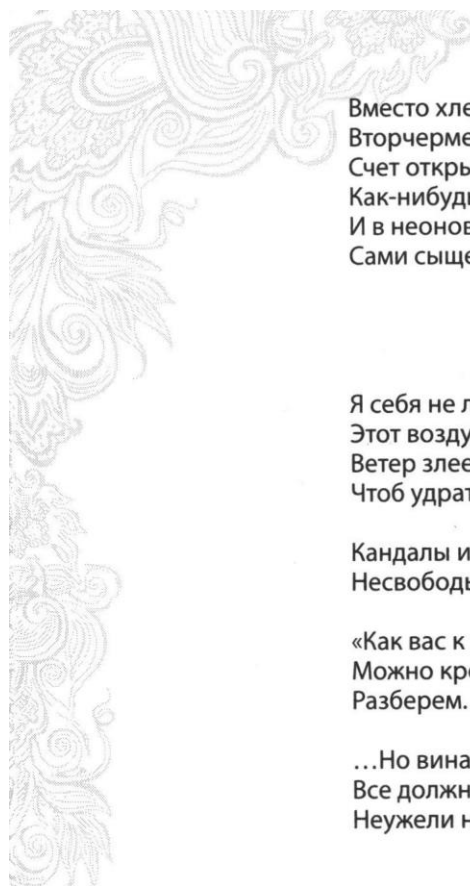
* * *

1

Я себя не люблю, не жалею.
Этим миром болею. Аллею
Прохожу, словно путь на Голгофу,
Только благословляю врагов и
Повторяю простую молитву...

Отвори потихоньку калитку.
Хоть немного тепла... Я верну же!

«Да кому здесь юродивый нужен! –

Вместо хлеба истертые книги...
Вторчерметовцам сдал бы вериги,
Счет открыл в отделении банка...
Как-нибудь проживем и без Данко.
И в неоновой роще, наверно,
Сами сыщем дорогу в таверну».

2

Я себя не люблю, не жалею.
Этот воздух цепей тяжелее.
Ветер злее. Закаты алее.
Чтоб удрать – ни коня, ни «Харлея».

Кандалы и вериги – две грани
Несвободы, но это не ранит.

«Как вас к небу поближе? Куды бы? –
Можно крест, эшафот или дыбу...
Разберем. Поломаем. Накажем».

...Но вина – это то, что на каждого.
Все должны – рано ль, поздно ль – уйти.
Неужели нам не по пути?

* * *

Для метели пространство – не больше, чем пища.
Здесь ломаются танки. Встают корабли.
И никто никого не зовет и не ищет,
Потому что давно все друг друга нашли.

Есть на свете людишки, способные затравить кого-то, считая, что это игра.
Превращают «сегодня» романтики в «завтра»,
Пошляки превращают его во «вчера».

Ветер сеет без усталости снежное просо.
Мы судачим о Гессе, читаем Сапфо.
С очагами культуры покуда непросто,
Потому что закрыты и клуб, и сельпо.

И пускай надо мной снегопадие реет,
А вокруг отцветают огни, города –
Этот маленький праздник со мною всегда,
Словно майский салют на батареях...

Одиночество-блпоз

Мне б судьбу непостыдно допеть...
Но, увы, слишком сложен мотив.
...Я один буду даже в толпе,
Даже если толпа – коллектив.

Проследи за лимоном Луны –
В черный чай выжат вот уж на треть...
Впрочем, не с кем делить эти сны,
Не с кем просто в окно посмотреть.

Я усвоил давно: из вины
Прорастает унынья трава.
Пусть хоть кто-нибудь мне позвонит –
Ну, хотя бы последний трамвай...

Поминки, память – просто плата
За свет непрожитого дня...
Прошу лишь не жалеть, не плакать...
К чему расстраивать меня?

Там, за лесами и горами
Да на родимой стороне,
Быть может, кто-то в сельском Храме
Помолится и обо мне.

Уход, известно, не отсрочить.
Июль придет за декабрем.
...Остались пара сильных строчек
И фото (мальчик с букварем).

Стихи читайте до упаду:
За далью даль, за былью быть...
Но только выпивать не надо.
Я это очень не любил.

...Здесь жить не нужно осторожно,
Здесь все надежно и всерьез.
Отсюда написать возможно –
Листвой по веточкам берез.

Мне в игре не везет. Я пашу как лошадь...
Карты и казино – слишком близко к краю.
Даже если я стану играть на ложках –
Все равно проиграю...

Я хотел, чтоб черты обретала масса,
Но в ответ – заготовленное «Иди на!..»
«Запорожец» собьет тебя или «Мазда» –
Все едино...

Этот век, словно море, – отпустит вряд ли.
Очень скоро, наверно, достигну дна я.
Те еще на плаву, тот давно в порядке.
Не дерьмо – потому и тону, родная...

* * *

Шлю привет неокрепшей листве,
С поднебесья спустившимся птицам,
Каждый день жадно пью этот свет,
Как вино, – чтоб однажды напиться...

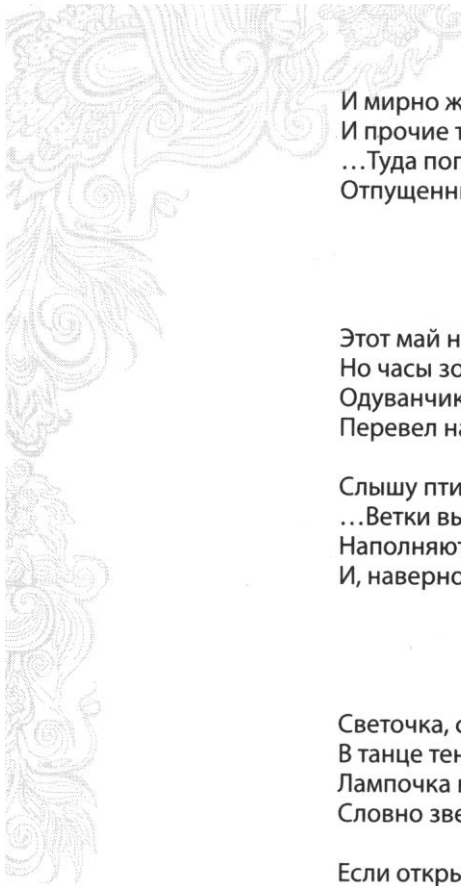
За лишенья свои, за труды
Получу утешенье (и ладно),
Там, где вина дешевле воды,
А вода подается бесплатно.

* * *

*И блуждают золотые дымы
В синих, синих вечерних куцах...*

Н. Гумилев

Ах, кактусы там не колются,
Не ценится серебро,
Уходит к закату конница,
Таможня дает добро...

И мирно живут комарики
И прочие телеса.
...Туда попадают шарики,
Отпущенные в небеса.

* * *

Этот май не всерьез, игра!..
Но часы золотых кореньев
Одуванчик еще вчера
Перевел на летнее время.

Слышу птиц простой разговор.
...Ветки выгнуты коромыслом:
Наполняют зеленью двор
И, наверное, жизнь – смыслом.

* * *

Светочка, свет очей,
В танце теней нет смысла.
Лампочка в сто свечей,
Словно звезда, повисла.

Если открыть окно,
Можно услышать ветер.
Ночь. Геленджик. Черно
Что-то на белом свете.

Скоро придет зима.
Люди, чтоб скрасить горе
И не сойти с ума,
Не выключают море.

Волны его тихи,
Волны его – торнадо!..
Море – про нас стихи...
Прочих читать не надо.

* * *

Взбирается в небо ночное Луна...
На улице глухо, голо.
И сердце болит, отзывается на
Далекий печальный голос.
Пытаюсь расслышать значения фраз,
Друзей растеряв, привычки.

...И я отвечаю Луне всякий раз,
Когда зажигаю спичку.

* * *

Бессонница вроде хвори.
Но так хорошо вначале...
Сырые слова, как хворост,
Бросаешь в костер печали.

Стихов раздуваешь пламя,
Не сгинуть бесследно дабы...
И плачешь.

И жизнью платишь
За то, что дается даром.

Почувствовать себя моложе:
Увлечься, позабыть про быт,
Дать или получить по роже,
В подъезде лампочку разбить?..

Но дни весны моей сокрылись.
Теперь уж не влюбиться мне.
И ночью, как любой бескрылый,
Я засыпаю на спине.

Я оксюморон: я неулыбчивый смайлик,
Снегопад, зарядивший до осени – с мая...

Всякий раз на распутье. Беспечно отчаян...
И теперь не вернуться к цветущим акациям.
Так по ком зазвонили? – за все отвечаю.
Это жизнь. Посекундная тарификация.

Приснилось

Ливень гаснет. Листва намокла.
Капли ягодами висят.
Открываем навстречу окна,
Выбегаем в лохматый сад.

И прошитый озоном воздух
Нам прокуренных снов милей.
Гасим свет, чтоб увидеть звезды,
Чтобы стало светлей...

* * *

Рискуя, но дóжил до
Завтра, спутанный тоской, грехами.
Рисует художник то,
Что у меня не вышло стихами.
Постой! Отыщу слова сейчас я –
Пред нами, как воды, расступится зло...

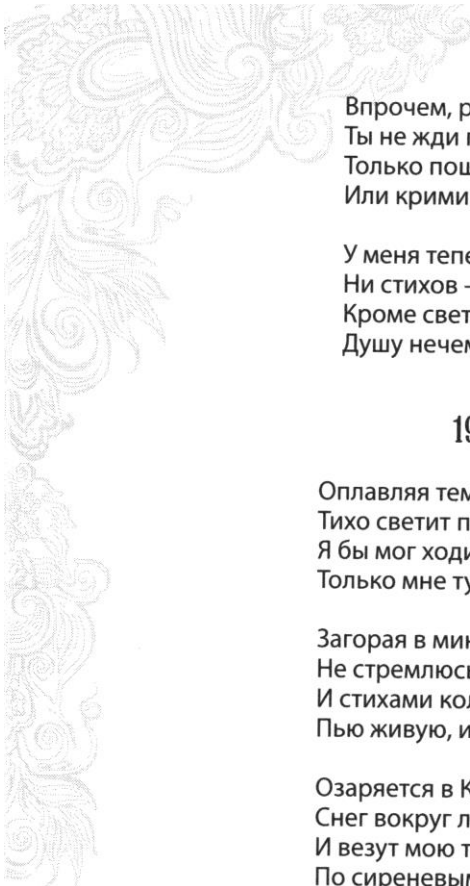
Но если не знать, что такое счастье,
Как понять, что оно пришло?

* * *

Утро дарит небель:
Нет ни смерти, ни прозы...
И в морозном небе
Свет прозрачен и розов.
И волнует души
Этот свет неразлуки...
Словно ангел дышит
На озябшие руки.

* * *

Золоченый город сник.
Вьется липкое свечение.
Гнет к земле тяжелый снег,
Снег свинцовый, невечерний...
Город в осень крепко врос.
Тяжело смежая очи,
Он антеннами берез
Ловит позывные ночи.

Впрочем, ручку покрутив,
Ты не жди привета даже –
Только пошленький мотив
Или криминальный дайджест.

У меня теперь ни слез,
Ни стихов – пустой, как поле...
Кроме света белых звезд,
Душу нечем здесь наполнить.

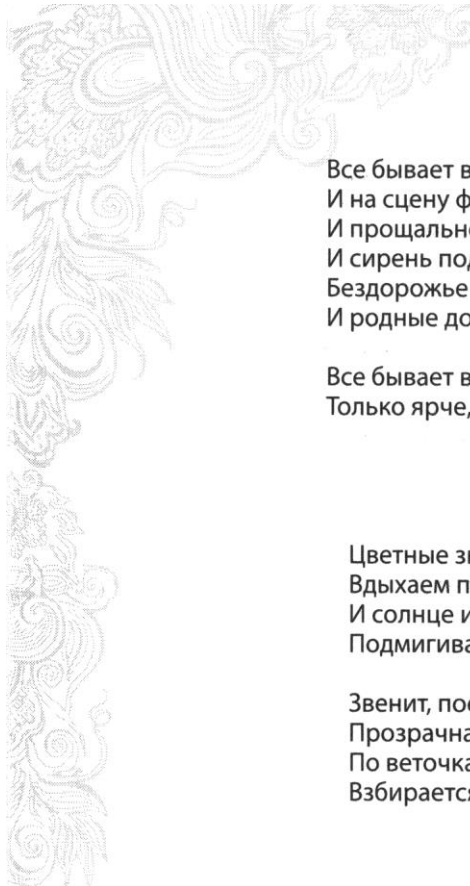
19 января

Оплавляя темноту по краям,
Тихо светит пред иконой лампада.
Я бы мог ходить по теплым морям,
Только мне туда сегодня не надо.

Загорая в минус сорок, отнюдь
Не стремлюсь куда-то там за границу.
И стихами колоколен звоню,
Пью живую, из-под крана, водицу.

Озаряется в Крещение вода...
Снег вокруг лежит, похожий на вату.
И везут мою тоску поезда
По сиреневым путям в Нижневартонск –

Гаснут окна серебристых купе,
Гаснут страхи, пережитое горе...
И в ночную золотую купель
Погружается измученный город.

* * *

Все бывает в последний раз:
И на сцену финальный выход,
И прощальность любимых глаз,
И сирень под окном, и выдох,
Бездорожье полных трасс
И родные до слез напевы...

Все бывает в последний раз –
Только ярче, больней, чем в первый.

* * *

Цветные звуки слышим,
Вдыхаем птичий гам.
И солнце из-за крыши
Подмигивает нам.

Звенит, поет деревня,
Прозрачна и ясна...
По веточкам деревьев
Взбирается весна.

* * *

1

Весна, короткая, как выстрел,
И долгая, как ночь без сна...
Апрель пока еще не вызрел.
И канонада не слышна

Листвы безумной и кричащей,
Листвы горячей, молодой...

Вновь соловей взорвется в чаще
В ночь – акустической звездой...

Ну а пока безумно тесно:
Как в легких – выкрику «Люблю!»,
Как в платье свадебном – невесте
И как в бутылке – кораблю...

2

Я молод. Я небрит и весел.
Поддат не больше, чем влюблен.
Повсюду девушки без весел –
И я для них Пигмалион.

Для них я фат, актер, бездельник,
Дарю букеты и духи.
Влюбляйтесь, но не ради денег,
А слушая мои стихи.

Весна приходит зримо, грубо.
Довольно плакать не про то...
Дома трубят в печные трубы,
И кони сбросили пальто.

Весна выходит за пределы.
Все дышит, все поет, любя.
«Который час?» – спрошу у девы,
Она в ответ: «И я тебя!..»

* * *

Ты видишь тот мир воочию
И должен шагнуть вперед,
Но между тобой и ночью
Женщина храбро встает.

Греет своим дыханьем,
Мотает июль назад.
И ты говоришь стихами
Про то, что сказать нельзя...

Этюд

Нет былой мальчишеской отваги.
Думаешь: «Домой бы поскорей...»
Вырезает вечер из бумаги
Силуэты зданий, фонарей.

Нам с тобою только и осталось
Наблюдать, как тонко на газон
Падает березовая старость,
Рассекая лезвием озон.

Защита

Мир многоэтажных блоков. Зима у тоски в тисках. За прошлым гоняюсь, как за бабочками Набоков.

Морозом сухим дыша, я ждал... Да какие шубы?! «На-на, та-та, ша-ша», – стучали так нежно зубы. Наташка, я под шафе, и это хороший признак. Я видел в твоём шарфе Дункан Айседоры призрак. Я помню ту ночь, село, морозных разводов дуги... Но эти стихи всего лишь мелкая месть супруге.

Паденье. Провал. Аврал. В последнем четверостишье скажу, что я все наврал... Мне этого не простишь ты.

...Но снова идет игра. Ломает асфальт планета. В копилку того двора луна прозвенит монетой.

А город струиться рад.

Живу просто на удачу. И окна домов горят, как шахматные задачи.

* * *

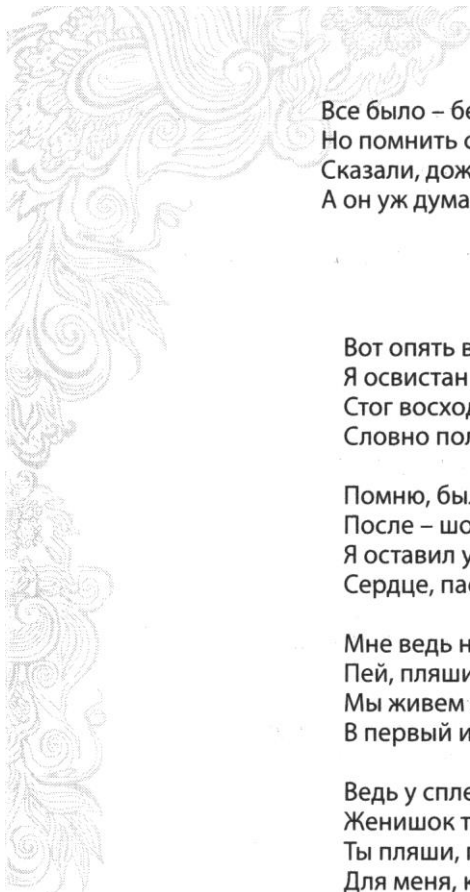
Напряжения нет в тетиве,
Нет отваги и гласа зычного,
Но тебе, Герострат, шлю привет
Как герою, борцу с язычеством.

Все колючей вокруг и сырей.
Ветер зябкий, цветы кирпичные.
Темнота здесь наступит быстрее,
Чем успеешь ты чиркнуть спичкою.

У тебя двадцать пять ножевых.
Что ж, издержки гражданской позиции.
...Если всяк сам себе инквизиция,
Как иные остались в живых?

Смарук

Отзеленел. Вносить поправки?
Отшелестел. И в горле ком.
Но если уж ходить по травке,
То непременно босиком.

Все было – беды и победы.
Но помнить стоит ли про зло?
Сказали, дождь пойдет к обеду...
А он уж думал – все прошло.

Галя

Вот опять вечерним бором
Я освистан допьяна.
Сток восходит над забором,
Словно полная луна.

Помню, были именины,
После – шорохи в ночи...
Я оставил у Галины
Сердце, паспорт и ключи.

Мне ведь не нужна другая –
Пей, пляши да радуй глаз!..
Мы живем с тобою, Галя,
В первый и последний раз.

Ведь у сплетни путь недлинный:
Женишок твой – ничего!
Ты пляши, пляши, Галина,
Для меня, как для него.

Подыграю. Где гитара?
Вот те песня – как с куста:
«Есть на свете город Тара...
Тара-тара, тра-та-та».

Смотрит кралечка по-детски.
Знать не знает: что и как?
Топчет Галочка сердечки
На цветных половиках.

Не любовь – игра как будто...
Все, что было – в пух и прах!
Я уйду. Несчастлив буду,
Но, по крайней мере, – прав.

* * *

Каждый день нужно солнца ждать.
За окном полночная взвесь.
Даже если здесь нет дождя,
Все равно он как будто есть.

И предчувствуя век зимы,
Выпивает честной народ.
А дома из крошечной тьмы
Робко делают шаг вперед.

Тусклый маятник фонарей.
Черствый хлеб и холодный чай.
И деревья идут быстрее,
Чем прохожие в поздний час.

И такая порой тоска.
Надо ехать! – Сиде, Кавказ...
Начинаешь впотьмах искать
У стиральной машины газ.

* * *

Немного в истерике толку,
Но души сидят взаперти.
Мы жалки и мелки настолько,
Что нас можно в брод перейти.

...За речкою выстрелы пушек
Гудят, словно грома раскаты,
Но в битве мышей и лягушек
Опять победят химикаты.

Есенинский месяц пасется.
Чадит у калитки ранет.
Деремся за место под солнцем,
Да только рассвета все нет.

Городской романс

Всюду сумрачность такая,
Прозелень сплетений...
Облака с трудом таскают
За собою тени.

И луна в кусты ныряет,
И гудят решетки...
Чиркни спичкой фонаря о
Коробок «хрущевки».

Кто смиренно ждет участия,
Кто – в сетях азарта.
Не нужны тому, кто счастлив,
Ни вчера, ни завтра.

Где несчастному согреться?
Строчки – комом к горлу.
Бьется бабочкою сердце
На булавке горя.

* * *

Апрель. День рождения. Космос.
Все бренное полувоздушно.
Лучи невечерние косо
Ложатся на бедную душу.

Апрель. Поутихли морозы.
Узнаешь весну по слезам ты.
И так истончились березы,
Что видно сквозь них послезавтра.

* * *

Дом – не только щи да пеленки...
Вижу, тем реальность губя,
Поездов ночных кинопленки
И в одном из кадров – себя.

Рвусь куда я, хмур и простужен?
Рвусь куда я, утренний весь?
Все, кто мне действительно нужен, –
Здесь.

Я был тогда лесным и смелым,
Драконов бил камнями влет,
Пил деревенский воздух с мятой,
Водил по лужам гордый флот.

Две стороны: июль – по обе!
Лежал на юго-север путь.
Тогда казалось – я способен
Подкову радуги согнуть.

Но даль укрылась голубая,
Июль в тумане и золе.
И мелкий дождик пригибает
Меня к земле...

Крутится-вертится шар голубой,
Улетает, набитый гелием.
Это любовь наша с тобой...
Что мы, родная, наделали!

Шар поднимается выше крыш,
Все эфемерней дистанция.
Скоро сокроется. Ниточка лишь
П(р)ошлой обиды тянется.

Может, сама и не ведаешь ты,
Как сигналишь в ночи окошками.
Тут не живут никакие цветы,
Только растет картошка.

Кусты расчудесно в июле цветут,
Что бы там ни говорили вы.
...И ничего не поделаешь тут,
Ежели я уродился Гавриловым, –

Прости, что тебе ничего не принес,
Кроме лета и песен с площади...
Если людям все время давать овес –
Непременно заржут, как лошади.

Но я же к тебе пришел, а не к ним
(Всегда ненавидел пигалиц).
...Тополь стоит под окошком твоим,
Застегнут на тысячу пуговиц –

Устав городской скучен и строг,
Собираю нежность по лучику.
Теперь уже только по лесенкам строк
Подняться к тебе получится...

* * *

Пусть наступит любовь – навсегда, навсегда,
Над рекою чуть вздрогнет ракета...
Посмотри – мимо нас облака и вода!
Ветер. Брызги. На то и «Ракета».

Я стихи привезу да наивную грусть,
Шум дождя и мельканье деревьев.
...А по левую сторону старая Русь
И по правую тоже деревни.

Сбегаю от смердящих плесенью,
Одетых в кафель и бетоны,
Моей тоски, тревоги песню
Разворовавших на рингтоны, –

К дорогам, в кашу перемешанным,
К деревьям, скрученным корнями,
К дремучим избам, в рай кромешный,
С едва чадающими огнями.

Спасибо за небесных рыбок,
За взгляд хороший, человеческий.
Как хорошо, что здесь не рынок,
А то мне расплатиться нечем...

Венок сонетов

Моей навсегда Екатериновке

1

У мухоморья пень трухлявый –
Пейзаж, как серый хлеб, простой...
Меж сосен, худенький, костлявый,
Приткнулся месяц сиротой.
Поедешь прямо – зло и топко,
Налево – глушь да глухари,
Направо – Соловей... Да только
Перепились богатыри.
К чему служение и служба?

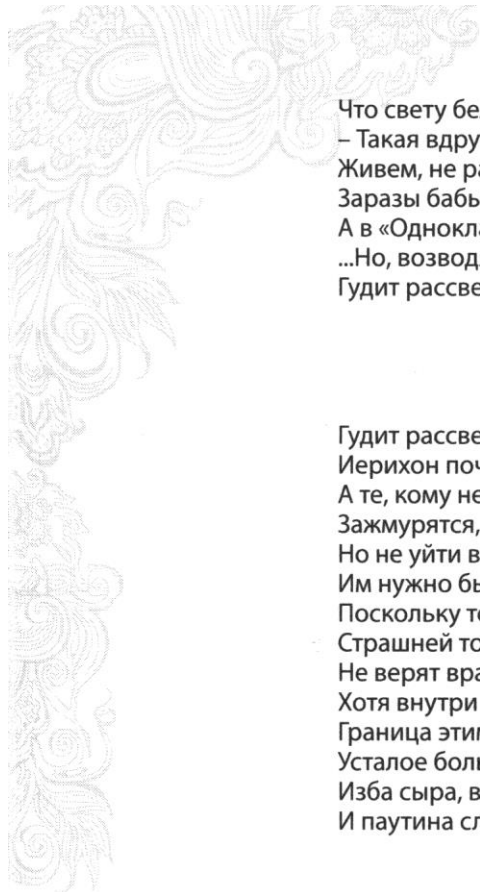
К чему расти, зачем цвести? –
Стремиться никуда не нужно,
Поскольку здесь конец пути.
И – символичен, зрим и груб –
Колодца догнивает сруб.

2

Колодца догнивает сруб:
Мхом изукрашен, как зеленой.
И не смочить иссохших губ, –
Иначе можно стать козленком.
Живая, добрая вода
Вся в магазинах, по бутылкам...
В упор прицелилась звезда,
Ты чувствуешь ее затылком.
Такая тишь да благодать
Вслед за семнадцатым мгновеньем:
«Не продается вдохновенье,
Но можно Родину продать...»
Под пересвист и вопль пьяный
Стада выходят на поляны.

3

Стада выходят на поляны,
Как гладиаторы на бой,
И держат строй.
И травы пряны,
И вектор задан – хвост трубой!
И многопиксельна палитра,
Но сгинул всеу наш гонец –
Пастух поспорил на поллитру,

Что свету белому конец:
– Такая вдруг накатит жалость.
Живем, не различая дат.
Заразы бабы не рожают,
А в «Одноклассниках» сидят.
...Но, возводя пространство в куб,
Гудит рассвет в сто тысяч труб.

4

Гудит рассвет в сто тысяч труб –
Иерихон почти разрушен.
А те, кому не по нутру, –
Зажмурятся, возьмут беруши!..
Но не уйти в себя уже.
Им нужно быть во всеоружье,
Поскольку то, что есть в душе,
Страшней того, что ждет снаружи.
Не верят вражьи голоса,
Хотя внутри когда-то пело...
Граница этим полюсам –
Усталое больное тело.
Изба сыра, в разводах скатерть
И паутина словно скальпель...

5

И паутина, словно скальпель,
Взрезает мушья голоса.
А по эфиру, как по скату,
Скользнула «тушка» за леса.
Летал и я на этих глыбах,

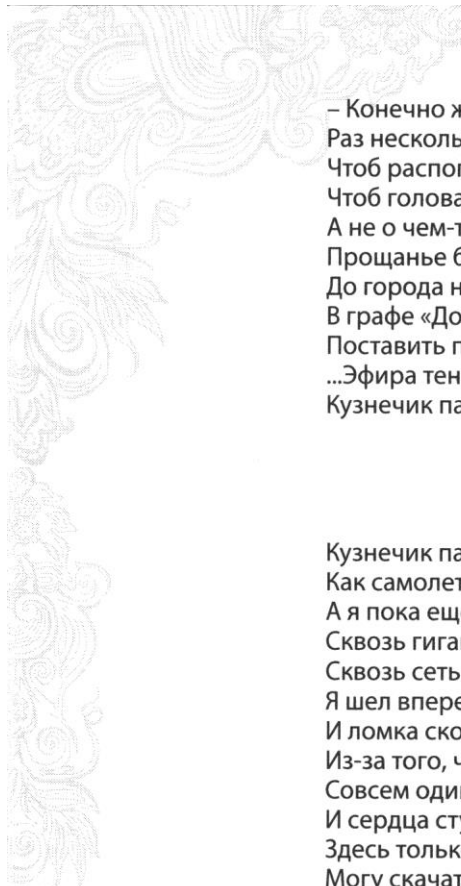
Когда считал, что жизнь – игра:
Мне между курицей и рыбой
Несложно было выбирать.
Теперь иначе: чет и нечет.
И некуда ступить ногой...
И пустоту заполнить нечем.
Нет, я не Гамлет. Я другой.
Аэроплан, как нож халву,
Кусками режет синеву.

6

Кусками режет синеву...
Ржаного неба хватит всем нам.
Жалею, плачу и зову,
Читаю скошенное сено...
Узнав плетение словес,
Легко писал, что зори алы –
Я, видно, слабый человек:
Любить все это жизни мало...
Как будто встал я у двери:
Не нужно ни числа, ни литер.
Хочу об этом говорить –
А получается молитва.
Сползает солнышко к закату
Тяжелой дождевою каплей.

7

Тяжелой дождевою каплей
На сердце рухнула тоска.
– Все образуется, не так ли?

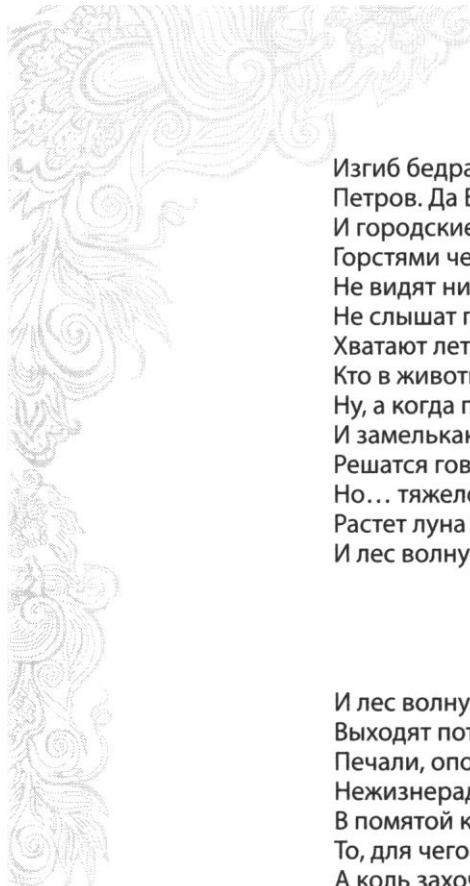
– Конечно же. Наверняка.
Раз несколько накаташь по сто,
Чтоб распогодилась беда,
Чтоб голова болела просто,
А не о чем-то – как всегда.
Прощанье будет как прощенье.
До города недолог путь.
В графе «Долги» по возвращении
Поставить прочерк не забудь!
...Эфира тенькнув тетиву,
Кузнечик падает в траву.

8

Кузнечик падает в траву,
Как самолет, врагом подбитый.
А я пока еще живу,
Сквозь гигагерцы, мегабиты...
Сквозь сеть инетовских тенет
Я шел вперед, не уставая, –
И ломка скоро захлестнет
Из-за того, что нет вай-фая!
Совсем один в лесной глуши.
И сердца стук все тише, тише...
Здесь только с сервера души
Могу скачать четверостишие.
Мы говорим с тобой при встрече
Об этом на своем наречье.

О чем-то на своем наречье
 Спешу по звонкому лучу...
 И ни плечо, и ни предплечье
 Подставить веку не хочу.
 Плести венки сонетов странно,
 Когда на нефти клином свет,
 Но нужно двигать к магистралу,
 И выхода другого нет.
 С ухмылкой скажут, мол, иди ты!
 Пора одуматься тебе –
 Мне дорог идеал идиллий:
 Цветы, свирели и т. п.,
 У незатоптанной межи
 Шумят колосья спелой ржи...

Шумят колосья спелой ржи,
 Как мужики у магазина...
 А хочешь лечь, так полежи,
 А хочешь ехать – нет бензина.
 Давлюсь давнишнею виной,
 Ее хлебаю полной мерой.
 Я мог бы доплести венок,
 Но ты же оный не примеришь.
 И, вычерпав себя до дна,
 Я обрываю предложенье...
 А ты останешься одна
 В таком печальном окруженье.
 ...Все драматичнее и резче
 Изгиб бедра изящной речки.

Изгиб бедра изящной речки.
Петров. Да Водкин. Красный конь.
И городские человечки
Горстями черпают огонь.
Не видят ничего, хоть зрячи.
Не слышат грозных перспектив.
Хватают лето, жадно прячут –
Кто в животы, кто в объектив.
Ну, а когда подступит вечер
И замелькают мотыльки,
Решатся говорить о вечном,
Но... тяжело под шашлыки.
Растет луна как на дрожжах.
И лес волнуется, дрожит.

И лес волнуется, дрожит.
Выходят потихоньку тени,
Печали, оползни, ужи,
Нежизнерадостные темы.
В помятой кружке у меня
То, для чего всегда – причина,
А коль захочешь дать огня –
Зажги еще одну лучину...
Плывем без весел, без ветрил,
Без светофоров и разметки.
О жизни фраз не говорим
Длинней обычной sms-ки...
К чему гадать, что будет с нами? –
Вот-вот зимы взовьется знамя...

Вот-вот зимы взовьется знамя.
 О каждом пропоют бойце...
 А что зима? – труба сквозная,
 И свет июлевый в конце.
 Война. Трагичны наши роли –
 Непоправимое кино...
 И лишь безумные герои
 В мороз рубают эскимо.
 Мы с каждым днем все ближе к краю,
 Но друг от друга далеки:
 Война, где люди умирают
 От вида в окнах и тоски.
 И звезды – наградные знаки –
 Над этим всем (за что – не знаю).

...Над этим всем (за что – не знаю)
 Черно летает воронье.
 Быть может, есть судьба иная, –
 Ты гордо выбрала свое.
 Известно, что не быть нам вместе.
 Я здесь давно уже изгой.
 Была бы ты моей невестой,
 Но я женился на другой.
 И не травлю себя надеждой,
 Что, может быть, опять приду,
 Но помню все, что было прежде...
 Огарком спички, как в бреду,
 Пишу на коробке коряво:
 «У мухоморья пень трухлявый».

У мухоморья пень трухлявый.
Колодца догнивает сруб.
Стада выходят на поляны.
Гудит рассвет в сто тысяч труб.
И паутина, словно скальпель,
Кусками режет синеву.
Тяжелой дождевою каплей
Кузнечик падает в траву.
О чем-то на своем наречье
Шумят колосья спелой ржи.
Изгиб бедра изящной речки –
И лес волнуется, дрожит!
Вот-вот зимы взовьется знамя
Над этим всем... За что – не знаю.

* * *

Я укрою тебя одеялком.
Ты опять просишь сказку, проказница.
Говоришь: «Колобка очень жалко,
Расскажи мне веселую сказицу».

Что же, слушай: «В деревне когда-то
Проживала прекрасная девушка.
Но никто не дарил ей подарков...
У нее было мало денег».

Очень трудно ей было вначале.
Бедность, бедность! (Про это сказал уже.)
Но потом с королем повстречалась...
И теперь эта девушка замужем.

Во дворце жили долго и весело...»
Только что же ты носик повесила?
Ты ворчишь: «Это скучная сказица.
Колобок интереснее, кажется».

Маше

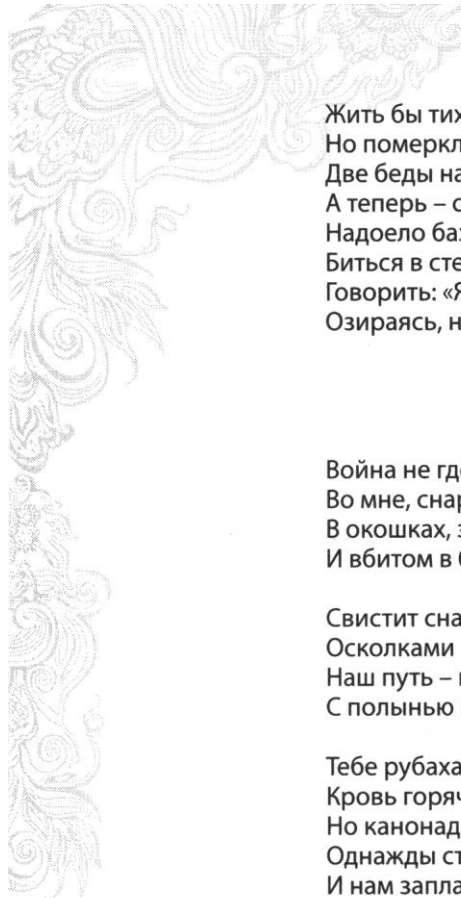
Пускай опоры слишком шатки
Для послезавтрашнего дня,
Дочь на игрушечной лошадке
Сейчас уедет от меня

Туда, где сказочные птицы
И пряничные облака.
Она печалей не боится.
Она свободна и легка.

Там ждут ее фонтаны патоки
И замок в дымке голубой.
Волнуюсь: куклу или папу
Она захочет взять с собой...

* * *

Ждал свиданья. Берег. Нередко
Пел в стихах красоту твою.
Не пропил в кабаках, не предал,
И врагу не отдал в бою.
Но теперь ни огня, ни смысла
В том, что крутит поля апрель,
Все куда-то ушло, размылось,
Словно детская акварель.

Жить бы тихо в любви, надежде,
Но померкла твоя звезда.
Две беды нас терзали прежде,
А теперь – сплошь одна беда...
Надоело базарить силы,
Биться в стену, искать не то,
Говорить: «Я люблю Россию»,
Озираясь, не ржет ли кто...

* * *

Война не где-то, а везде:
Во мне, снаружи и за кадром,
В окошках, залитых закатом,
И вбитом в белый свет гвозде.

Свистит снаряд, зубаст и слеп.
Осколками раек помечен.
Наш путь – кровавый, а не млечный.
С полынью вперемешку хлеб,

Тебе рубаха – верный щит.
Кровь горячо бежит по венам...
Но канонадное забвенье
Однажды стихнет на мгновенье
И нам заплакать разрешит.

Поскольку повод был грошов,
Погаснут гнев и жажда мести.
Сойдемся вместе в славном месте,
Когда все bullet хорошо.

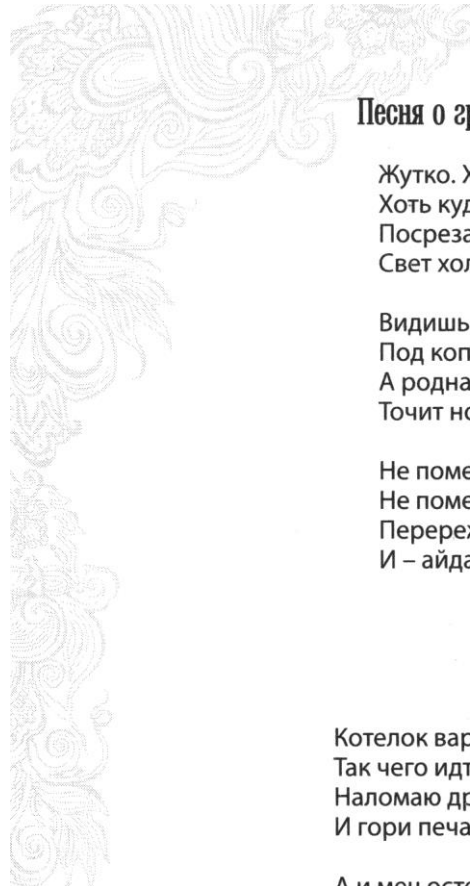
Прощание славянки

Не плачь, хорошая, при мне,
Когда горят в вечернем треске
Овраги, реки, перелески
И деревенька вся в огне...

Не стой печально у столба.
Разумной не найти причины:
Такая доля у мужчины –
И горькая твоя судьба.

Клубится грозовая рать.
Нам скоро – в полный рост под пули.
Нет, никого не обманули,
Сказав, что едем умирать.

Настало времечко расплат.
И вновь по ветру вьется – точно
Тот самый синенький платочек –
Прощальный плач...

Песня о гражданской войне

Жутко. Холодно. Голо.
Хоть куда посмотри.
Посрезал сопкам головы
Свет холодной зари.

Видишь, время искрится
Под копытом коня,
А родная сестрица
Точит нож на меня.

Не помеха нам вьюга,
Не помеха туман:
Перережем друг друга
И – айда по домам...

Витьязь

Котелок варит. И язык остер.
Так чего идти вслед за племенем?
Наломаю дров – разведу костер,
И гори печаль синим пламенем...

А и меч остер, на расправу скор.
Я стою за правду неистово.
Только с девками не вступаю в спор:
Вдруг родится кто – но не истина...

В дальнем далеке ждет меня жена,
Все глядит во тьму законную.
В ночь глухую мне лишь она нужна,
Как свече огонь – пред иконою.

* * *

Не удержу я цветами женщину,
Не огражу рубинами.
Запросто сможет хоромы поджечь она
И убежать к любимому:

Жить в шалаше, мыть полы в таверне,
Путать черное – белое.
Плакать, бороться, в душе, наверно,
Жалея о том, что сделала.

Гаснуть начнет с каждой новой бедою,
Все ж оставаясь красивой:
Близость к нему, словно пища с водою,
Будет давать ей силы.

В мире немало таких историй –
Мало, увы, тепла...
Рад будет только Амур, который
Перевыполнил план.

* * *

Хлеб чернозема крепко сдобрен солью
Октябрьского снега: день светлей...
Вновь отзовется радостною болью
Небесное прощанье журавлей.

И тишина – такая, что деревья
Встают, сбиваясь с верного пути.
...Осенний день спустился на деревню –
И никому от счастья не уйти.

* * *

Ворую вечер, веруя в добро:
С дочуркою – «адамово ребро»,
И я один, свободный и веселый,
Иду сквозь вечеряющий поселок,
Спускаюсь к раззолоченной реке.
Ее черты вот-вот должны размыться.
Река сродни шекспировской строке,
Поскольку за концовкой море (смысла).
Ворую вечер, невзначай как будто.
Но если украду, искать не будут...

* * *

Наш урман не богат цветово.
Глухо, словно на дне колодца.
Там, где дышится легче всего,
Тяжелее всего живется.

Пустышные строфы

1

Стрекоза живет на даче,
Дышит воздухом удачи.
От зари и до зари
Гасит сердцем фонари.
Вяжет «петли», крутит «бочки»,
Исчезает в небе точкой,
Возвращается назад:
Чудо – в сеточку глаза...
Слюдяные крылья звонки,

Чувства миговы и тонки,
Век недолог – оттого
Не боится ничего.
Ей, должно быть, все равно:
Разобьется ль об окно
Проезжающей машины,
Сгинет в зарослях малины,
Возвратится с новым днем
Или же сгорит огнем...
Догорит – все в этом дело.
Смело вверх бросает тело.
Ни заботы, ни тоски –
Мне б вот так писать стихи...

2

У котейки хвост мохнат.
Кот всегда и всюду – над...
Пофигист, изящен, юрок.
Желтый глаз его с прищуром.
Он не знает угрызений,
На прохожих пялит зенки.
Он, конечно же, поэт –
Часто по ночам поет,
Растворяется во мгле –
Нет счастливей на земле.
Кто в детсад, кто на работу –
Втихаря нагадит в боты
И – на крышу. Или в парк.
Он струится, словно пар.
Независим и отчаян,
Неприкаян и слушаен.
Он приходит там и тут,
Как слова, – когда не ждут...

Что касается собак,
Там у них ни дня без драк:
Бьются не на шутку псины...

У собачьего у сына
Жизнь не сахарная кость
И не то, что у стрекоз
Или, скажем, у котов –
Гадам глотку рвать готов.
Хоть и велика страна,
Всюду посылают на...
В городах ли, на селе –
Мало места на земле,
Мало солнца и травы,
Мало звезд и синевы,
Мало образов, сравнений –
Что ж, конфликт мировоззрений,
Никому пощады нет –
Разве не таков поэт?..

Еж. Мне нравятся ежи.
Где-то посреди межи
Он лежит себе клубком,
Думу думает. О ком?
Или, может быть, о чем? –
Как ведет она плечом,
Как глядит вполоборота,
Затоскует отчего-то,
Вот опять уходит прочь...

Он сонеты пишет про
Дивный профиль, стройный стан,
Про игольчатую сталь,
Взмахи аховых ресниц...
Ждет, когда она приснится.
Но она с другим сейчас, и
Сердце хлещется – на части!
...В поле словно взаперти,
Больше некуда идти,
Он не разжимает век –
Еж ведь тоже человек...

5

Я за вегетарианство, –
Чтоб жевать, глядеть в пространство...
Вот бы взять пример с коровы –
Ешь траву, бывай здоровый.
Чтоб не сдохнуть от тоски,
Есть на поле васильки.
Не солжешь, не дашь промашки,
Если пробовал ромашки.
Не начистишь ближним рожи,
Если кушал подорожник.
Вдохновенье, пастораль, –
Вечером опять в сарай...
Мир глотает вас питоново:
Есть рассказик у Платонова...
А на мясокомбинатах
Разнести все нафиг надо! –
Не хочу ни слез, ни крови...
У коров глаза коровьи.

Солнца реденькие спицы
Вертит желтая синица,
Матерится, кроет власть,
Сало ест, резвится всласть,
Не боится, не стыдится...
Люди в шарфы прячут лица,
Ей плевать, и все на «ять»! –
Тянет с миром воевать.

Двадцать граммов вес ее,
А долдонит про свое:
«Мы ж того... не соловьи.
Не по чину – о любви!»

Можно и в стихах, и в прозе
Все сказать как дважды два –
Погибают на морозе
Даже теплые слова...

Ранит в грудь ее заря –
Превратится в снегиря.

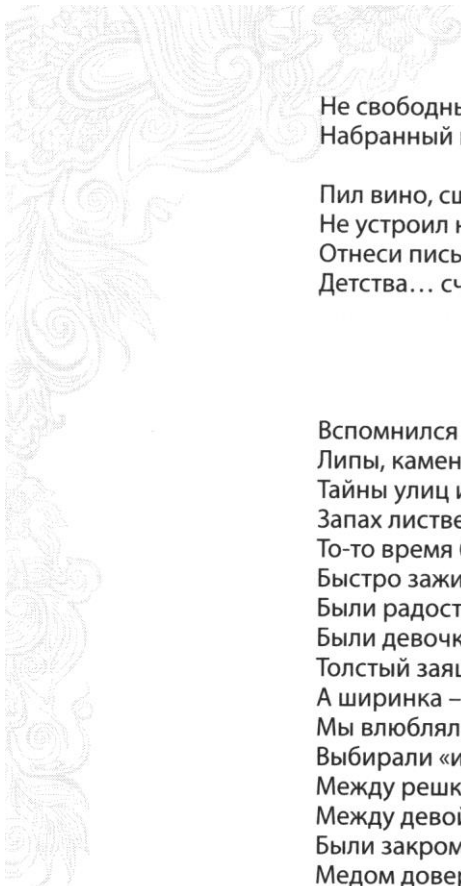
Реки, горы и поля –
Все под властью соловья.
Вьется песня по эфиру,
Пишет для него Крутой.
Ярче солнца светит миру
Микрофон его златой.
Он талантлив, словно Майков,

И красив, как Аполлон –
Не наденет драной майки
И в трико не выйдет он.
Стразы, перышки, парик...
Фрик? А кто из них не фрик?
В шоколаде и в мажоре,
На «Феррари» наш герой.
Любит «Hennessy», прожорлив –
И питается икрой.
Только раз ему – злодей! –
Клюв начистил воробей...
Все летает по стране
И на перлы не скупится,
Все же почему-то мне
Больше нравится синица.

8

Что-то в ней живет такое...
Не найду себе покоя.
Ждут птенцы ее в гнезде,
Только ласточка – везде,
Словно ангел молньевидный,
Беспечальный и невинный,
Что-то знающий про нас...
Кто б нам весточку принес
О стране, где нет печали,
Где попсы и смерти нет?
Мы тут все поодичали –
Пьянки, джунгли, интернет...

Вот и я (как есть): угрюмый,
И не модный, и не юный,

Не свободный, не маститый,
Набранный всегда петитом...

Пил вино, сшибал деревья,
Не устроил ничего...
Отнеси письмо в деревню
Детства... счастья моего!

9

Вспомнился портрет трамвая,
Липы, каменные сваи,
Тайны улиц и дворов,
Запах лиственных костров...
То-то время было раньше –
Быстро заживали раны.
Были радости и горе,
Были девочки в бантах,
Толстый заяц на заборе,
А шинка – на болтах.
Мы влюблялись и дружили,
Выбирали «или – или»
Между решкой и орлом,
Между девой и веслом...
Были закрома луны
Медом доверху полны.
Вдоволь сна, весны и снега –
Нам не выставляли счет.

И гудели звезды с неба
И не жалили еще...

Помню, было небо ало
На крутом излете дня,
Ты прическу поправляла
В отношении меня.

Под собой не чуял ног,
Объясниться я не мог.
По-французски бы, изящней,
Чуть коснувшись, по скользящей,
С наведенными мостами...
Но язык прильпе к гортани.

Стать пришлось и злей, и жестче,
Заслужить любовь в бою.
Я всегда боялся женщин,
А с тобой их не боюсь:

Красотой люблюсь, даже
Приглашаю их на вальс,
А потом шагаю дальше,
Словно облако в «Levis».

Пусть живем мы без затей,
Ждем аванс, растим детей,
Славно думать о хорошем,
Не печалиться о прошлом,
Коротать метельный вечер
И друг другу жить навстречу...

Варваре

Сколько мне, дорогая, гореть:
Половину еще или треть
От того, что уже за плечами?
И так страшно бывает ночами
В ожидании нового дня.
Я не ведаю, сколько осталось.
Не покинь же, родная, меня!

...Но своим не прощается старость.

В ночном

Над головой мигает спутник,
Один в сиянии светил...
А лошадей давно я спутал,
Водой речною напоил.

Золой присыпана картошка,
Огонь прозрачен и не смел.
Неспешно думаю о том, что
Додумать за день не успел:

«Там, за рекой живет девица
С косою русою до пят.
Нельзя смотреть и не дивиться...
Она с ума свела ребят.

Меня переполняют чувства.
Да чем же я не молодец?
Пойду хоть завтра, постучусь к ней,
Во всем признаюсь, наконец...»

Своим причудам потакая,
Кладет волну к волне река.
И тишина вокруг такая,
Что слышен росчерк мотылька.

Пускай я не боролся с ветром,
Пускай не рвал в работе жил –
Как расчудесно жить на свете
Тем, кто пока еще не жил...

Осенняя сюита

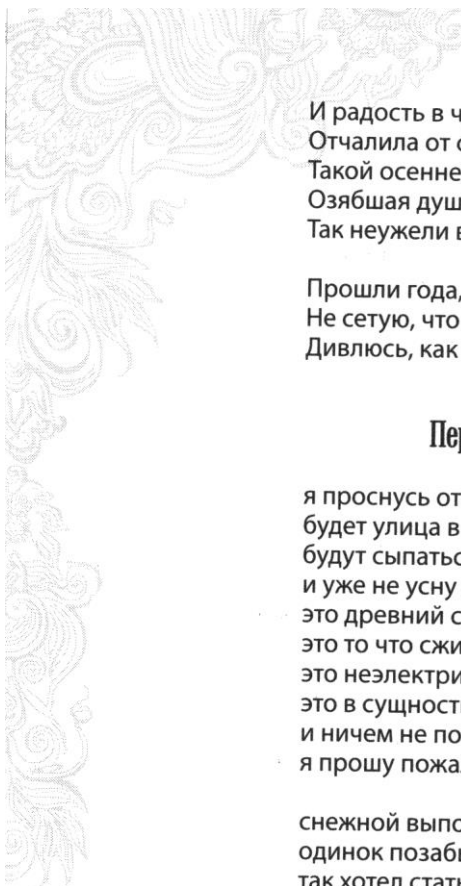
Мой друг Сентябрь, долго ли еще
Болезь, страдать, менять себя на будни?
Когда мы будем счастливы? Расчет
Оставь конторе...

Знать бы только – будем?

...Прозрачные дни осени, когда
Из птиц

тут остаются лишь вороны,
Под воду вновь уходят города,
С деревьев мокрый ветер сносит кроны,
Печали знаешь все наперечет
И праздники давным-давно наметил,
Река из листьев по двору течет,
Но остается все-таки на месте.

За чередой будней и разлук
Я редко вижу облака и звезды...
Натянута береза, словно лук –
Свою листву выстреливает в воздух.

И радость в чужестранные края
Отчалила от серого вокзала...
Такой осенней осени моя
Озябшая душа еще не знала.
Так неужели все – пора на дно?

Прошли года, как будто не бывало.
Не сетую, что остается мало –
Дивлюсь, как много было мне дано...

Первый снег

я проснусь оттого что в окне
будет улица в белом огне
будут сыпаться иглы костра
и уже не усну до утра
это древний синоним тоски
это то что сжимает виски
это неэлектрический свет
это в сущности то чего нет
и ничем не погасишь огня
я прошу пожалейте меня

снежной выпотрошен порошей
одинок позабыт заброшен
так хотел стать поэтом впрочем
в этом смысле в анкете прочерк
сочиняя стихи о счастье
был я счастлив не слишком часто
вспоминать и грустить нелепо
Иппокрена питает Лету

Луна из грязной лужи напилась.
Сосед с соседом поругался всласть.
Идя под аркой, думаешь о крысах.
Больные люди. Ржавая вода...

Мне в самом деле жаль: я никогда
Не узнаю свой город на открытках...

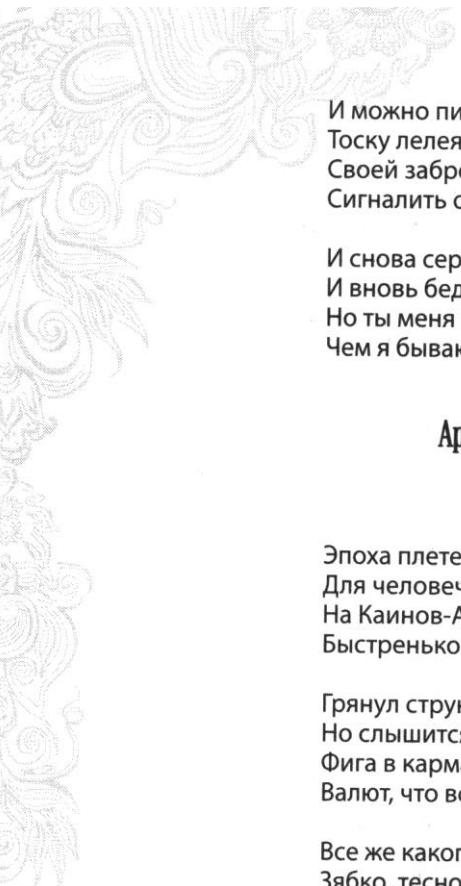
Собутыльнику

Слишком литр мал.
Впрочем, не грустим.
Надо извести это зло!..
Если б ты снимал
«Основной инстинкт»,
Это был бы фильм про бухло.

Екамерининское

Склевали воробьи до крошки
Последний свет осенних дней,
Седая туча под окошком
Качает гривою своей.

Луна березам голым светит.
Плечом к плечу стоят дома.
Еще листву гоняет ветер,
Но за околицей – зима...

И можно пить стихотворенье,
Тоску лелеять, уставать,
Своей заброшенной деревне
Сигналить огоньком в сто ватт.

И снова сердце рвут на части,
И вновь беды не миновать.
Но ты меня прощаешь чаще,
Чем я бываю виноват...

Аритмия

1

Эпоха плетет кружевную сеть
Для человечьих стай:
На Каинов-Авелей, ну-ка, все
Быстренько рассчитайсь!

Грянул струною басовый стих –
Но слышится ду-ду-ду...
Фига в кармане – одна из тех
Валют, что всегда в ходу.

Все же какого я здесь рожна? –
Зябко, тесно, темно...
Знаешь, Европа мне не нужна,
Просто было б окно.

«Эй, мужичок, осторожней – согнем!
В узел завяжем день...»
Скалятся морды, и днем с огнем
Лица не разглядеть.

В лидерах по производству дерьма
Вызлаченный кумир...
Ежели я не сошел с ума,
Значит, все-таки – мир.

2

Вроде, не ждут и не плачут уже,
Вязнут в своих дворах.
Светлое звякнет у них в душе –
И это вызовет страх.

Кутаясь в прихоти и чины,
Комкают звук и цвет.
Сами загадочку сочинив,
Позабывали ответ.

Кто-то в удачу верит и смех,
Иные – в толстовский том.
Дерево в нашем дворе во всех
Смыслах выше, чем дом.

Ря/убиновый куст обронил свой щит,
Выморозился и сник.
Он не алеет, а кровоточит,
Падают капли на снег.

Все, кто мечтали и ждали юг,
Подрастеряли статью.
Снег грязной кашей лежит вокруг,
А раньше умел летать...

Будто бы прах, отрясаешь с ног
Эту больную вязь.
Видишь ли, дворники «чистят» снег,
Значит, он точно – грязь.

Город, как мышцы, свои этажи
Билдит за полчаса, –
Тесно настолько, что некуда жить,
Осталось – вверх, в небеса...

Город целует лилелей в уста,
Устав от морозов внезап-
Но – на перроне встречаешь состав,
Унесший тебя час назад.

Значит, ты снова не вышел весь,
Хоть и молчишь не в лад.
Ходишь по кругу, который есть,
В сущности, циферблат.

Зря ты орал: ни мечей, ни орал –
Непопадание в ритм...
Град обреченный тебя сожрал –
Должен переварить.

Как же смердит от твоих столиц!
Окна летят во тьму.
Мусорный бак двести лет стоит
Памятником всему.

Жаль, не услышишь мой бравный спич
И не заглянешь за...
Если живешь ты – как будто спишь,
Лучше закрыть глаза.

Друже, смени перекрестья дня,
Счастий других полно.
Но даже если услышишь меня,
Не слушаешь все равно.

Можно писать о весенних громах,
Звездам торить пути...
Мышь удавилась в твоих закромах –
Не с чем к другим идти.

Вижу, что ты крепконог с утра,
Крутишь земную ось.
Небо из жизни нельзя убрать!
...Как тебе удалось?

5

Вечер торчит наподобие пня,
Споткнешься порой на бегу.
Природы снега мне не понять,
Но также – природы в снегу.

Как бедно вокруг: ни цветов, ни огней, –
Влажные ветры лужи клубят.
Вид с монохромной палитрой своей
Намекает, что надо всмотреться в себя:

Всюду опаздываю – хоть плачь!
Жить не хватает сил.
Это как с чаем: он либо горяч,
Либо уже остыл.

Снова в душе поэтичий зуд,
Рушатся стены воль.
Куда же, куда нас потом отвезут
Львица, орел и вол?

Завтра при свете нового дня
Жить соберусь, как все.
Чувство такое, что через меня
Шумно проходит шоссе...

6

Пишет про Крым – наторев зело –
Поэтовская родня,
А я не буду писать на зло-
Бу дня: «Бу-бу-бу, ня-ня...»

А стану про то, как лежит в снегах
Весна – ширью целины.
Что ж это? – еле стою на ногах:
Всего-то глоток вины!..

Не лезу за словом в чужой карман
И не гоню волны.
Чтоб заблудиться, уйти в туман,
Мне бы хоть три сосны.

Мне бы пасьянсы иных забот, –
Чтоб бушевала кровь,
Чтобы я мог отличить забор
Чисел от рощи строф,

Счастье по клейким читать листам –
Только б «сейчас» (не впрок)
Хлопали в воздух то здесь, то там,
Почки финальных строк!

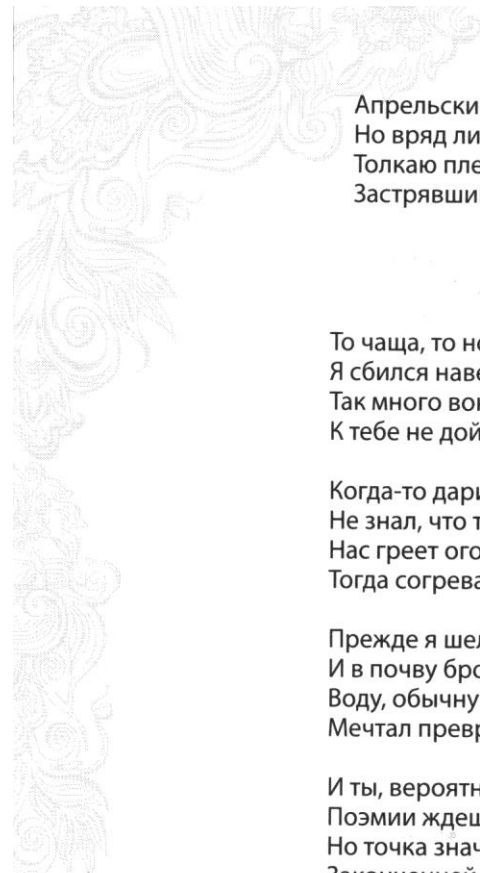
7

Жду. И дыхание сперло в зобу –
Вдруг ты подашь мне знак...
Ведь для того, чтоб меня забыть,
Нужно сначала узнать.

Я же могу приходить во сне,
Быть совершенно любим.
Не оставляешь ни шанса мне
Очень тебя любить...

Помню все горести по именам.
Лишился стихов и сна.
Неужто для этих мучений нам
Такая душа дана?

Казалось, что прежде я жил любя,
Не скопидомил дни.
Трудно не верить в то, что тебя
Мучает и саднит.

Апрельские дни, говорят, хороши,
Но вряд ли в этой связи
Толкаю плечом грузовик души,
Застрявший в весенней грязи.

8

То чаша, то ночь, то уютный альков.
Я сбился наверняка...
Так много вокруг кабаков и ларьков –
К тебе не дойду никак.

Когда-то дарил миру пламенных птиц,
Не знал, что такое грехи.
Нас греет огонь подожженных страниц –
Тогда согревали стихи.

Прежде я шел к сотрясанию основ
И в почву бросал зерно,
Воду, обычную воду слов
Мечтал превратить в вино.

И ты, вероятно, сидишь одна,
Поэмии ждешь моей...
Но точка значительней текста. Она
Законченной и честней.

В компании Бальмонта и Руссо
Час от часу все одной...
И точка затянута, как лассо
На песне приветных дней.

Река, облака, буль-бутыл молоко
Да рощицы полоса.
А то, что нет надо мной потолка, –
Так вот они – небеса!..

А то, что нет ни окна, ни штор, –
Яснее у встречного нóвь лица.
Радость – единственное, что
При делении больше становится.

Жизнью своей, словно песня, простой
Сбиваю сердечный темп.
Бегу от людей, как тогда Толстой,
Но, думаю, – не за тем...

Бегу от таких, кто смачно живет,
Пестуя стилиш бред.
«Ж...пу» поставит в строку – и вот
Уже авангардный поэт.

...Тут звонче молитва и глуше молва.
С (а)прелестью я заодно.
По веткам спешит молодая листва,
Превращая
 в березу
 бревно.

А вернешься – и в глаз получаешь как раз,
И не нужно уже ни стихов, ни любвей.
Мне милее писать про весеннюю грязь,
Нежели про отношения людей.

Сегодня выкуклилось из луча,
А дальше – молчание, пустота...
Сфрагистику надо ли изучать,
Коль седьмая печать снята?

Может быть, я брюзжу, как желчный старик,
Только мир спасти не успеть...
И звучит каждый клик, как вороний крик,
Бьются люди, попавшие в сеть.

Оттого ль, что испит он и прокопчен,
Рухнет завтра на «раз-два-три»?
А читал ли ты книгу радостней, чем
«Апокалипсис»?..

Посмотри,
Время, будто бы кроличья шапка весной,
Засунуто в душный рукав.

...Катится-катится шар земной
Бусинкою под шкаф.

Жизнь о любви

Монологи

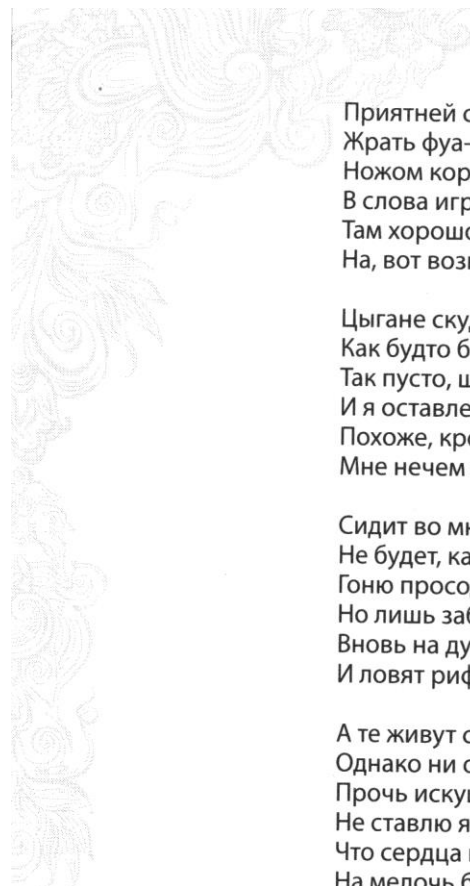
1. Вступление

Углы забиты пустяками,
Могу лишь развести руками...
Пока ночевия тихи,
Мое таинственное, птичье,
Анисовое подъязычье
Ужасно просится в стихи.

Мыслишка проще, чем полено:
«Поскольку это есть поэма,
В ней полагается сюжет».
Хотя сообразил уже ты:
Печаль не уложить в сюжеты,
У ветра, снега оных нет...

Эх, нам бы прежнего веселья
Да на качелях-каруселях
Подраскрутить бы время вспять!
...Стихи банального размерца,
Противный холодок под сердцем
И в плюс, и в минус двадцать пять.

Меня любая вещь большая
Опустошает, иссушает.
А если много в ней воды,
Так может утешаться каждый,
Что он не испытает жажды. ;-)
...Не пропадут мои труды.

Приятней стекла бить в подъезде,
Жрать фуа-гра (оно полезней),
Ножом корябать по коре.
В слова играю, словно мальчик.
Там хорошо б поставить смайлик...
На, вот возьми его скорей!

Цыгане скудную толпою
Как будто бы бредут по полю –
Так пусто, широко в душе...
И я оставлен с этой болью,
Похоже, кроме как собою,
Мне нечем жертвовать уже.

Сидит во мне усталость прочно:
Не будет, кажется, ни строчки,
Гоню просодию взащей.
Но лишь забрезжит свет в окошке,
Вновь на душе скребутся кошки
И ловят рифмы, как мышей.

А те живут семьею вольной,
Однако ни одной глагольной –
Прочь искушенье, чур меня!..
Не ставлю я себе в заслугу,
Что сердца грозovou вьюгу
На мелочь буквиц разменял,

Но и не вышел в эпигоны...
Пусть будут строфы, как вагоны –
По человеку внутри:
Смеется каждый, мыслит, плачет,
Ворчит, а может, строит планы,
С тобой тихонько говорит.

Дослушаешь ли? – право слово,
Ни лайков не ищу, ни славы...
Не тех ли следует спасать,
Кто камни в огород бросал, и
Я все-таки поставлю *salve*¹,
А также *sapienti sat*².

2. Мир

Две ручки, ножки, огуречик.
Такой вот вышел человечек,
Но славно, что не вышел весь.
Настали холода до сорока.
И на пере своем сорока
Несет октябрь – злую весть.

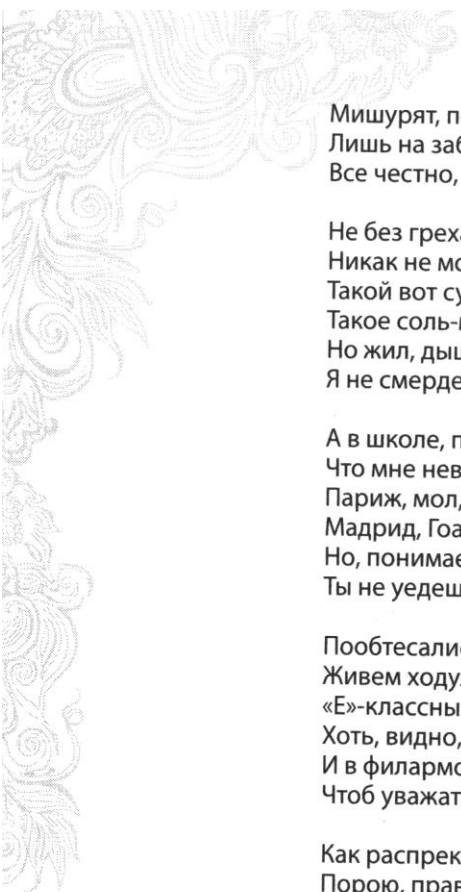
Дорожки ледяные вертки.
Царапают когтями ветки.
Кусты качаются во тьме.
А солнце вбито в лузу кием...
И если есть, как я, такие,
То им хреново, как и мне.

На севере не то, что в Ницце:
И спившийся понурый Ницше
Поджал свой шелудивый хвост.
Сверхчеловек лежит в подвале –
Под одеялом (в идеале),
В кромешной тьме не видя звезд.

Включаю лишь прогноз погоды.
Претят военные походы:
Все те же «совесть, ум и честь»!

¹ Приветствую (лат.)

² Умному достаточно (лат.)

Мишурят, подменяют пищу...
Лишь на заборах люди едят,
Все честно, как оно и есть.

Не без греха. И вспомнить стыдно:
Никак не мог покинуть стадо.
Такой вот суп из петуха,
Такое соль-минор адажио...
Но жил, дышал, порою даже
Я не смердел – благоухал!

А в школе, помнится, мечталось,
Что мне неведома усталость,
Париж, мол, увидеть легко.
Мадрид, Гоа, долина Нила...
Но, понимаешь, по перилам
Ты не уедешь далеко.

Пообтесались, поостыли,
Живем ходульно и костьюльно,
«Е»-классные ведем авто,
Хоть, видно, скурвились за годы.
И в филармонии заходим,
Чтоб уважать себя за то –

Как распрекрасно это, право.
Порою, правда, вместо «Браво!»
Там: «Шайбу! Шайбу!» – прокричим.
Но это мелочь. Это... ладно.
Скучны людишки с сердцем холодным –
Порывы наши горячи!

Как хорошо, когда есть банька,
Канистра пива, вобла, баба.

И крепок сам ты, как гранит.
А баба – вовсе не химера,
Богатство пятого размера
Она за пазухой хранит...

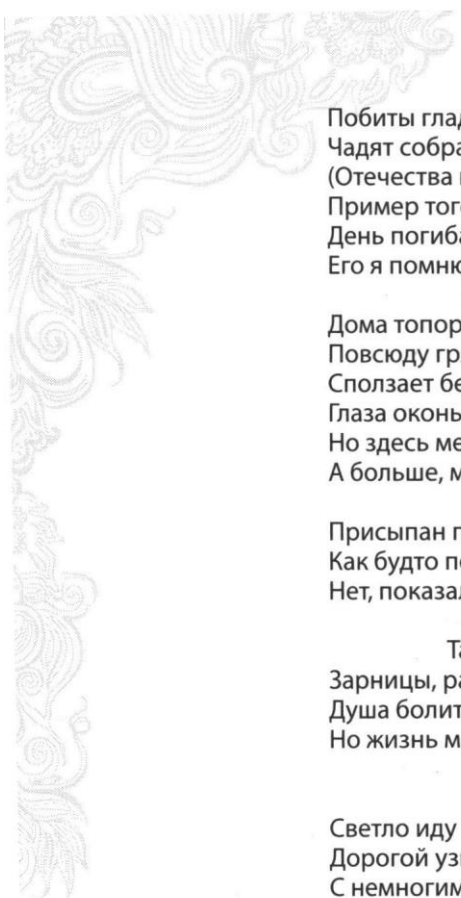
Хотя потом бывает тошно
Наутро вспоминать о том, что
Свинячил и озорничал.
Гребешь, уверен и отчаян,
Но страшно к берегу причалить –
Последний грезится причал...

3. Про себя

Я не люблю туман и холод.
Как посоветовал психолог,
Старался быть в кругу людей,
Но круг дает разлад с собою.
Из окруженья вышел с боем...
Теперь я «мизантроп, злодей».

Теперь я нерукопожатный.
Неужто скоро время жатвы?
Мне б выдержать хватило сил...
Без вариантов «или-или» –
Моей вины не объяснили,
Да, впрочем, я и не просил.

Пускай не новая идея,
Что без вины причтен к злодеям,
Ташу безропотно ярем.
Ведь не сутяжник, не грабитель...
Молю: «Ты помяни, Спаситель,
Меня во Царствии Своем».

Побиты гладами и мором,
Чадят собратья «Беломором»
(Отечества несладкий дым).
Пример того, что будет с нами:
День погибает за холмами –
Его я помню молодым.

Дома топорщатся, как горы.
Повсюду грязь, и воздух горек.
Сползает белый свет во тьму.
Глаза окошья смотрят строго,
Но здесь меня совсем немного –
А больше, может, ни к чему...

Присыпан путь осенней сольцей.
Как будто показалось солнце? –
Нет, показалось...

Так лови
Зарницы, раз такое дело.
Душа болит, страдает тело,
Но жизнь моя –
вся о любви!

Светло иду на зов валторны
Дорогой узкою, не торной,
С немногими побыв в родстве...
В осенней желтизне поляны,
И только Диоклетианам
По всей земле зеленый свет.

Так в самом деле – время жатвы.
Идем: зайчата, медвежата,
Немножко мышек да котят,
Идем – животики из плюша, –
Нас режут, мнут, калечат, плющат...
Лишь глазки-бусинки блестят.

...Играют в котировки, даты,
В политику двойных стандартов –
И так до гробовой плиты.
Они все время платят злостью,
Огнем, мечом и голой костью –
Им больше нечем заплатить.

Мирок осунулся и сжался.
Он вызывает только жалость,
А прежде бешено пестрел.
Дрожит, скулит – не без истерик...
Как будто взяли из постели,
Ведут по снегу на расстрел.

4. Про сверхлюдей

Шагаю по своей дороге:
В моем тревожном монологе
Звучит обычный лейтмотив –
Несправедливы люди – эхом.
Но, говоря сейчас об этом,
Я так же к ним несправедлив.

Простит меня читатель – снова
Беру на карандаш снобов,

Успешных циников и К° –
Но хорошо, что не на вилы...
Пускай блаженствуют на виллах,
Где до блаженства далеко.

Драконов валят на рассвете,
Спят во дворцах, а не в кювете...
Там каждый – Байрон и герой.
Но лишь подумают: «Бессмертны!»,
Как тут же (по известной смете) –
То сифилис, то геморрой.
Прочтя Карибы и Багамы,
Себя считавшие богами
Финалят передозом жизнь.
(Так в состоянии экстаза
Хоть за изгибы унитаза –
Раз больше не за что – держись.)

Гнилы, пусты. А с пустотою,
Пожалуй, что-то делать стоит:
Заполнить дорогим вином?
Цикутой? – кокаином чаще...
Допить до дна златую чашу
И слиться с этим самым дном!

Предвижу список тем примерный:
Что им завидую, наверно,
И счета за глаза свою,
Что я планктон и не чета им...
И все равно не прочитают –
Понятно каждому ежу.

Пусть это будет делом частным.
Стараюсь быть предельно честным,

Не растекаться, как желе.
Они, конечно, нас жалеют,
Как муравьев в траве аллеи, –
Хочу их тоже пожалеть.

Ведь, может быть, однажды вечером
Задумаются вдруг о вечном,
Вдохнут любовь, как нашатырь.
Непросто подниматься в гору,
Но только лишь найдут опору,
Уйдут немедля в монастырь...

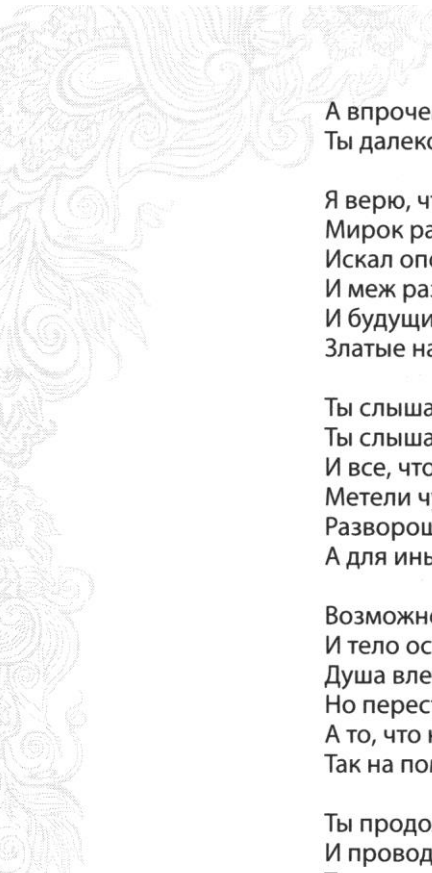
С Монро, Кобейном или Пресли
Не заварить хорошей песни:
Все – лаца-дрица, гоп-ца-ца!
Мы между светом и неправдой,
Как между Доном и Непрядвой –
И этой сече нет конца.

Не торопясь, совсем не грубо
По будням кушаем друг друга,
Так сладко позабыв про стыд.
Судьба на нас печали валит.

...Хотя за одного Вивальди
Нас можно было бы простить.

5. Другу

NN, хороший мой приятель,
Вечерним заревом объятый,
Старался выжить не по лжи,
Теперь уж некуда деваться.

А впрочем, лежа на диване,
Ты далеко не улежишь.

Я верю, что старался честно
Мирок раздвинуть тесно-пресный,
Искал опоры, смысла ты
И меж разбитым в щепки прошлым
И будущим, пустым и пошлым,
Златые наводил мосты.

Ты слышал, как шумели кроны,
Ты слышал ясным утром громы
И все, что сбудется потом:
Метели чудились в июле –
Разворошенный снежный улей,
А для иных – простой рингтон!

Возможно, криво жил, бездумно,
И тело оставлял бездомным –
Душа влетала в свой приют,
Но перестал бывать поэтом...
А то, что не пою про это,
Так на поминках не поют.

Ты продолжаешь гнить запоем
И проводить разведку боем
Тех перевалов... Кошкин еж! –
Открой окно, а лучше двери.
Утраченное *sensus veris*¹
Увы, никак ты не вернешь...

Давно в печи твои прожекты.
Темно – включи свечи прожектор,
А если тихо – звук утрой.

¹ Чувство весны (лат.)

Обидно подышать грошово...
Живешь с истерзанной душою
И телом, мертвым, как Детройт.

Тоска – сестра родная страху.
Как проводник ты ближе к праху –
Сопровителенье в тыщу ом.
Но плачется душа живая:
Ничто нас так не убивает,
Как серый дождик за окном...

Давай мы все с тобой обсудим,
Нальем чего-нибудь в посуду,
Воззрим на здешний окоем.
И слишком умствовать не будем,
А просто посидим, как люди,
Друг другу лица разобьем...

Опустошив с вином сосуды,
Взовьем «Рамштайн» для соседей
И «Любо, братцы...» – для души.
Я тоже сын своей эпохи,
Пускай со мною шутки плохи,
Зато с тобою хороши:

Бормочешь про покой и волю,
По минному гуляешь полю
И по нейтральной полосе,
Хватаешь оголенный провод.
...Подохнуть для тебя – лишь повод
Быть не таким, как все...

6. Про стихи

Как тут вещам придумать имя? –
Пустообразно, нелюдимо
Внутри, на линии и вне...
Здесь не веселые картинки,
Но человека-невидимки
Скульптура высится в окне.

Так сыро, серо днем и ночью,
Что не зазорно жить на ощупь...
Да где ж тут выключают дождь?!
Хочу в деревню, на природу.
А там ушел бы огородами...
Но от себя-то не уйдешь.

Так что тогда со мною стало? –
Сердчишко выковал из стали,
Не по своей тропинке шел:
Куда бы завела кручина?...
М.Б. спасибо – научила
Писать стихами хорошо.

Пишу, как мне жилось вначале,
Как труден этот путь печали,
Во что уверовал я сам, –
Чтоб ерунды не говорили,
Чтоб биографию Гаврилова
Никто другой не написал.

Вокруг ни искорки участия.
Can't buy me love¹, а также счастье,
Талант, удачу, волшебство...
Я, видно, этим миром полон:

¹ Мою любовь не купишь (англ.)

Пройдась по магазинам, понял,
Что мне не нужно ничего.

Живу такой, как есть, – нескладный,
Не бронзовый, не шоколадный,
Все дую в дудочку свою
И вам пишу, чего же боле?..
Похоже, все же чем-то болен –
Я от плохих стихов блюю.

Как все, любил, алкал и плакал,
И выбирал по Сеньке плату,
Встречался, ждал, бывал таков...
Был нестабилен и непрочен.
...Вся жизнь моя – на восемь строчек
Весьма посредственных стихов.

Я никогда не двигал горы.
Жил дольным и давился горем...
Какое чудо сотворю –
Очередной сонет начну и
Открою рифму составную,
Концовку с видом на зарю?..

Я говорю: «Грядет. Покайтесь!»
Но темнота кругом такая здесь –
Мир словно сжат в формате RAR.
Как тут не потерять рассудок? –
Кричат: «А ну, пиши отсюда,
Пока не дали... гонорар!»

Летают вороны кругами.
Подъезд обложен «воронками»,

И ясно, в дверь звонят по ком,
Куда ведет меня прямая...

А то, что мир не принимает –
Так я не водка с шашлыком.

7. Любовь

В твоём набитом скукой доме
Тепло, как в варежке – ладони.
Стихи тревожат сонный ум.
Сидишь: нагрянет скоро стужа.
СД замерзшей за ночь лужи
Воспроизводит белый шум.

Есть мы с тобою: икс и игрек,
Простые сны, пустые игры,
Взаимный и привычный спам...
Позволь сказать как филантропу:
«Дай ущипнуть тебя (за попу) –
И ты поймешь, что мы не спим...»

Ах, было бы не так обидно,
Когда б виной – одно либидо,
Хотенье плоти и т.д.
Но что-то есть еще такое,
Что сердцу не дает покоя...
Метафорами рвусь к тебе

И в рифму говорю про ссуды,
Кефир и грязную посуду,
Про новости и про хандрит.
Анапестом качу на дачу,

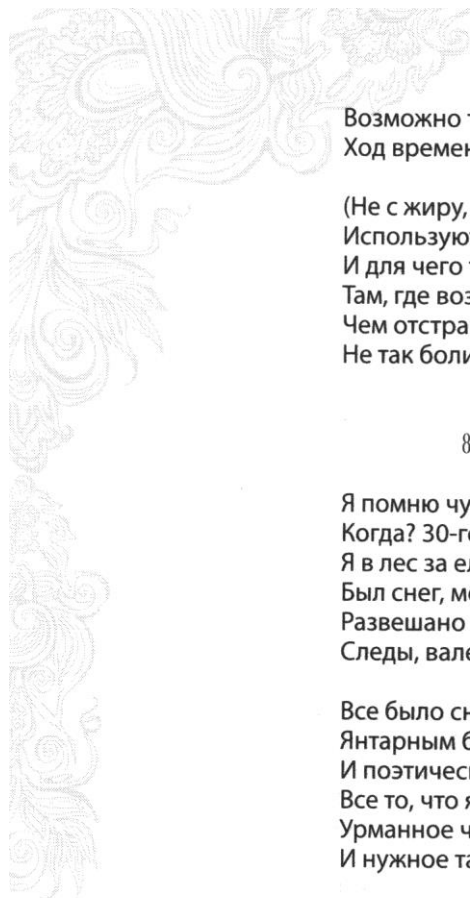
Хореем о делах судачу,
ТВ нам рэпом говорит.

Так просто рассказать стихами,
Какая ты и растакая,
Спою – давайте микрофон!
Позволь умчаться в эмпиреи
И насладиться поскорее
Мелодией гитарных форм.

Консерваторский консерватор
Нас не услышит: уши ватой
Иных гармоний заложил.
На все лады и обертоны
Гудят и в общем гимне тонут
Натянутые звоны жил.

Как хорошо быть ухажером!
Вот светофор, мигая желтым,
Торчит, как пухлая сова.
Из дома вышли мы по сходим.
Какие фонари сегодня
Для нас проспект нарисовал!..
В трущобах здешних непролазных
Так много всяческих соблазнов:
Кино, вино и домино...
Пусть фонари янтарь роняют.
У нас не шахматы, родная:
Куда сходить – не все ль равно?

Мы остановимся под аркой.
Нет, я не Данте, не Петрарка,
Мои порывы не новы.
Так будем жить напропалую! –

Возможно только поцелуем
Ход времени остановить...

(Не с жиру, не от одичанья
Используются умолчания,
И для чего тогда «Delete»?..
Там, где возможно, ставлю прочерк:
Чем отстраненнее, тем проще –
Не так болит...)

8. Деревня

Я помню чудное мгновенье:
Когда? 30-го, наверно,
Я в лес за елочкой пошел.
Был снег, мороз... Немного солнца
Развешано по веткам сосен.
Следы, валежник... Хорошо.

Все было снежным и привольным,
Янтарным было, густо-хвойным
И поэтическим вполне,
Все то, что я люблю отчаянно, –
Урманное чрезвычайно
И нужное такое (мне).

...Нос к носу повстречал медведя
(Мы были, видимо, соседи).
Боролись два часа, пока
Он не сказал:

– Себе не верю,
Хорош! И поднял лапы кверху ...
Намял же я ему бока!

Был мишка зол на браконьеров.
Он ненавидел мир вольеров,
Зато Мольера почи/етал.
Предпочитал Адаму Смиту
Вольтера, иже с оным свиту,
Что браконьерам не чета.

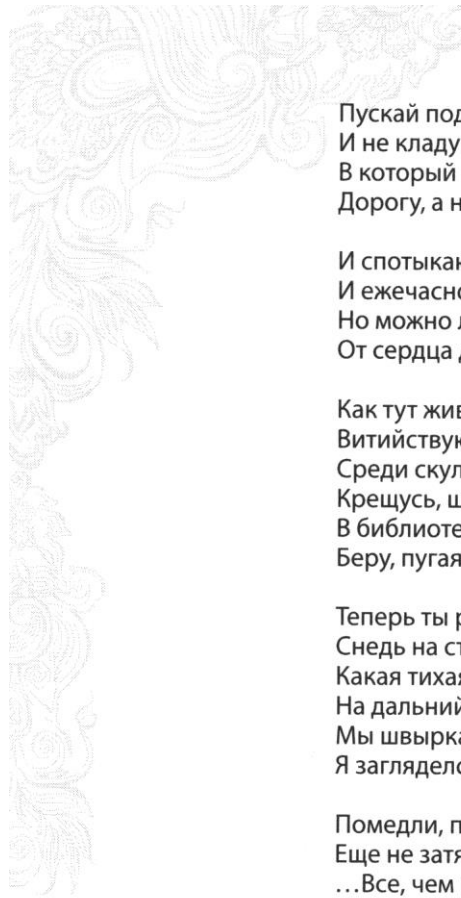
Он все курил, ругался или...
Мы долго-долго говорили,
Усевшись прямо на траве.
А впрочем, нет, та встреча летом
Произошла... Теперь нелепо
Менять хоть что-нибудь в канве.

...Трещат дрова, коптит лучина,
И пахнет хлебом и овчиной.
А за окном звенит, как трос,
Мороз. Чадят печные трубы.
Луна опять пошла на убыль
И превращается в вопрос.

Она сквозь дымы крошит охру,
И желтый свет струится в окна,
И пахнет розою герань
(Пусть украшает подоконник –
Ведь я гармонии поклонник).
А кстати, вот она – гармонь!

Песня под гармонь

Пускай теперь не суждено
Мне взять Пегаса под уздцы –
Влечет не рваный ритм, но
Классические образцы.

Пускай подобен я уж
И не кладу судьбы на кон,
В который раз перехожу
Дорогу, а не Рубикон.

И спотыкаюсь на пути,
И ежечасно жду беды,
Но можно линию вести
От сердца до любой звезды.

Как тут живу? – Тобою мучим.
Витийствую в лесу дремучем
Среди скульптур, картин, сонат.
Крещусь, шагая мимо Храма,
В библиотеке Мандельштама
Беру, пугая персонал.

Теперь ты рядом – все в порядке:
Снедь на столе и снег на грядках.
Какая тихая судьба!
На дальний шкаф убрал трехрядку.
Мы швыркаем чаек вприглядку –
Я загляделся на тебя...

Помедли, просыпаться рано!
Еще не затянулась рана.
...Все, чем владел, принять спеши:
Кондовый быт, огарок свечки,
Котейку, да в полдома печку,
Да россыпи моей души.

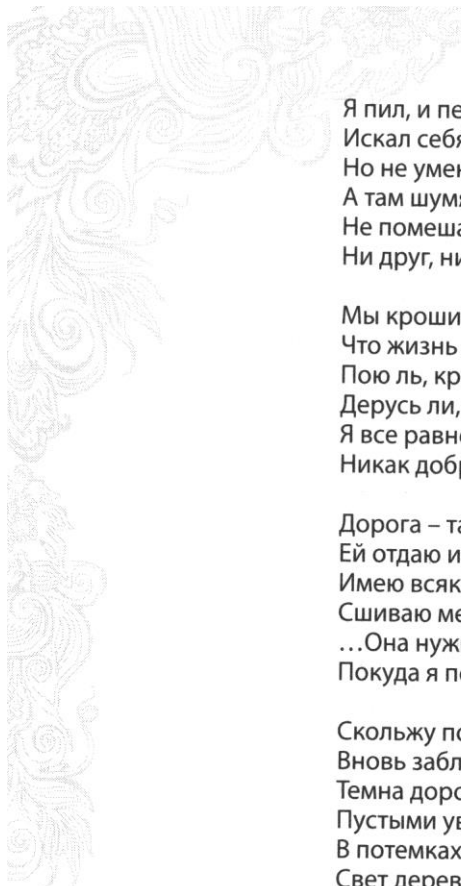
9. Отъезд в деревню

Нет места лучше, чтоб спастись.
Крепки сибирские пассаты,
Скупа природа... Только мне
Почти что ничего не нужно –
Пичужий хор, живой и дружный,
Да утро в хвойновом огне...
Я был там прежде, пил мед-пиво.
Все помню: от изгибов ивы
И самых крохотных лужат
До пламенеющих рассветов
И суеты у сельсовета...
Давно в поленниках лежат

Шумевшие мне вслед деревья.
Никто не ждет меня в деревне...
А прежде бабушка ждала.
За переправой паромной
Найду ли уголок укромный –
Опушка, речка да ветла?..

Израненный столичной сталью,
Избушечку в глуши поставлю,
Рассветом стану мыть лицо.
Все будет чинно и опрятно.
Лесные всякие зверята
Пускай приходят на крыльцо.

Ах, как там благолепно летом!
И лишь подумаю об этом,
Так сразу кругом голова.
Всем дальним, ближним шлю приветы,
И на моих засохших ветках
Вновь распускается листва.

Я пил, и пел, и делал дело,
Искал себя, транжирил тело,
Но не уменьшилось любви.
А там шумят тихонько листья –
Не помешают помолиться
Ни друг, ни враг, ни MTV.

Мы крошим время, как печенье.
Что жизнь – колесное кручение?..
Пою ль, кручинюсь, пьян в дугу,
Дерусь ли, праздную победу, –
Я все равно в деревню еду...
Никак добраться не могу.

Дорога – так, избитый символ,
Ей отдаю и дни, и силы,
Имею всякий раз в виду.
Сшиваю метры на живую.
...Она нужна и существует,
Покуда я по ней иду.

Скольжу по краю – мне бы к раю.
Вновь заблуждаюсь и теряюсь.
Темна дорога и длинна,
Пустыми увлечен вещами...
В потемках путь мой освещает
Свет деревенского окна.

И ты меня поймешь, наверно:
Играть с судьбой грешно и скверно,
Хоть так ведется испокон...
Но, над собою вырастая
В пылу обыденных ристалищ,
Когда в округе нет икон,
Крестись на Русь, она святая...

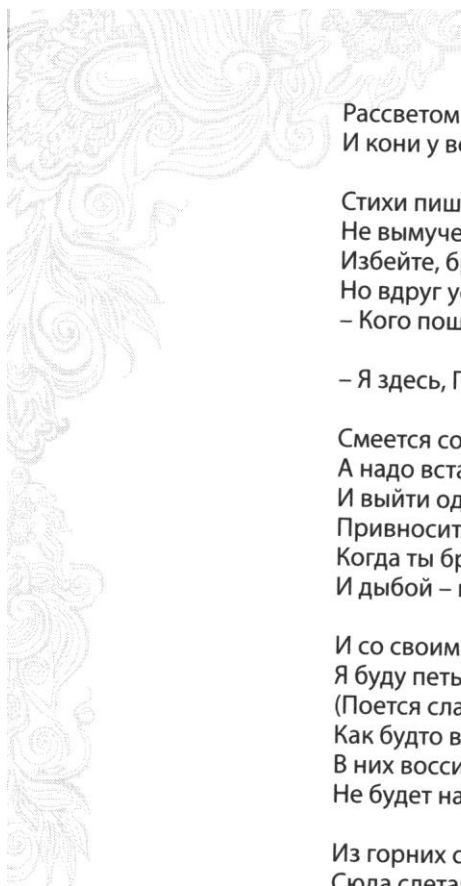
Вот – вывернулся наизнанку.
Повсюду понаставил знаки.
Открыто сердце, как вокзал.
Блестела сталь, сверкало слово,
Так много написал, но снова
О самом главном не сказал.

Мелькали города и веси.
Я был отчаян, смел и весел.
Творил, как исповедь, стихи.
Претило жить сычом и татем –
Неужто думал, что читатель
Отпустит все мои грехи?..

Родная, горек век разлуки.
С трудом роняет лира звуки.
Пусть я не попадаю в но-
Ты убери меж нами стены,
Спешу к тебе из Палестины –
Из Палестины духа в ночь.

Нести кому-то нужно службу –
Но это никому не нужно,
Всяк царь себе и господин...
Фривольно в городских уютцах,
Но можно смехом захлебнуться,
Когда не плачет ни один.

Дымился тривиальный дождик.
Я жил, негромкий, как художник,
И безобидный, как скрипач.
Но вот войска трубят до срока,

Рассветом вышибает окна
И кони у ворот хрипят.

Стихи пишу не специально,
Не вымученно и кабально –
Избейте, бросьте там, в пыли...
Но вдруг услышу глас предвечный:
– Кого пошлю к ним?

И отвечу:
– Я здесь, Господь! Меня пошли.

Смеется солнышко по веткам,
А надо встать и исповедать,
И выйти одному на рать...
Привносится по силам плата.
Когда ты брошен между плахой
И дыбой – просто выбирать.

И со своими палачами
Я буду петь псалмы ночами
(Поется славно взаперти).
Как будто вера светлой эры,
В них воссияет primavera¹ –
Не будет нам назад пути.

Из горних сфер, селений дальних
Сюда слетают ямб и дольник,
И символы, и голоса.
Не знаю, право, что такое, –
Но вместе с сильною строкою
Нам открывают небеса...

¹ Весна (ит.)

Век деревянною пилою
Кромсает на куски бывшее.
От смерти не укрыться в дот,
И вот я ставлю ногу в стремя.

...Как жизнь болит! – болит все время.
Неужто все-таки пройдет?

* * *

В начале было слово.
И слово было снова,
Так много было слов...
Мир плавится, как олово, –
Но остается слово
Основою основ.

Оно умолкнет завтра –
Придут ихтиозавры

И рыкнут мирово.
...Не личности и массы,
А кости, жилы, мясо –
И больше ничего:

Ни Данте, ни Шекспира...
Чума во время пира.
Гримаса на лице:
Предчувствие game over.
В начале было слово –
Безмолвие в конце...

СОДЕРЖАНИЕ

М.А. Безденежных. «Но вместе с сильною строкою нам открывают небеса...».....	3	Мадригал Родине	29
«Здравствуй, малая моя...»	10	Улисс	29
«Нет, мои стихи не поются...»	10	«Я, девчонки, парень ловкий...»	30
«И ночь и мысли спутались в клубок...» ..	11	«Нет, страшнее пистолета...»	30
«Может быть, это просто идеи...»	11	«Кто, задыхаясь, кричал на бегу...»	31
«Залатаем лодку и...»	12	«Если я не поэт, значит, – и не пророк...»	31
«В старом доме под звуки Шопена...»	12	«Я вернулся... Здесь беднее флора...»	32
«Этот ветер в лицо, этот снег принимая за благо...»	13	Пес	32
«В век витрин, издерганных прохожих...» ..	13	«Осень серая. Листья летучи...»	33
«Ты – в столице хандры и простуд...»	14	«Как воин, пусть бьется сердце...»	33
«Как же смогла ты уйти, уходя?»	14	Вечерние песни	34
Элегия	15	«Господи, найти какое слово?»	36
«Ужель та самая Светлана?»	15	«Гаражи. Рядом – с мусором баки...»	36
Деревенская свадьба	16	«А не пойти ли нам лучше домой?»	37
«Вьюжит, мотает, кружит...»	16	Монолог Казановы	38
«Сжег бы стихи... Не напишешь ста новых...»	18	Рэп-style	39
Домик в лесу	18	Беседа у камина	44
«...Будто взрослая, просишь: «Тише!»	19	Школьная любовь	45
«Окраина смотрит невесело...»	19	«Я не ведаю, что со мною...»	47
Синема	20	«С Музейной я свернул в японский сад...»	47
«Дома, деревья, солнце – в белом воске...»	20	«Ео rus. Скажу: «Водитель, трогай!»	48
«Знаю одно, – что любовь не зла...»	21	Песня о невозвращении	48
«Лето коротким будет...»	22	«Сегодня тучи ходят слишком низко...» ..	48
«Там стенки разины пили, как морс, вино...»	22	«За окнами то ночь, то лед...»	49
«Если уедешь, то станешь сниться...»	23	Варе	49
«Волк, этот город в такой дали...»	23	На покое	50
«Ничего не желает Макар понимать...» ..	24	«То в гору лезу, то качусь по скату...» ..	50
«Тот же век, да прыть уже не та...»	24	Себе	51
«Мы шли по аллее... И вдруг...»	25	«Послушай, я, наверно, акмеист...»	51
«Мы прежде много спорили и часто...» ..	25	«Я все время влюблялся не в тех...»	52
«Клятвы – это пустое. Пощады...»	26	«Мне трудно гимны петь весне...»	53
«Будет много стихов и дел...»	26	«То выйдет ночь с Луной на поводке...» ..	53
«Цветы. Буги-вуги. Приметы весны...» ..	26	«Пиво, футбол... Неужели самим не противно?»	54
«Площадями шагаю льдистыми...»	27	«Мороз бранили, дождь ругали...»	54
К России	27	«Катится поезд. Держусь пока я...»	55
		«Скулит собака? Или тормоза?»	55
		Письмо жене	56

«Каждый день нужно солнца ждать...» ..111	Витязь.....128
«Немного в истерике толку...»112	«Не удержу я цветами женщину...»129
Городской романс.....112	«Хлеб чернозема крепко сдобрен солью...».....129
«Апрель. День рождения. Космос...».....113	«Ворую вечер, веруя в добро...».....130
«Дом – не только щи да пеленки...»113	«Наш урман не богат цветowo...».....130
«Я был тогда лесным и смелым...»114	Пустяжные строфы.....130
«Крутится-вертится шар голубой...».....114	Варваре138
«Пусть наступит любовь – навсегда, навсегда...»115	В ночном138
«Сбегаю от смердящих плесенью...»116	Осенняя сюита139
Венок сонетов116	Первый снег140
«Я укрою тебя одеялком...»124	«Луна из грязной лужи напилась...»141
Маше.....125	Собутыльнику141
«Ждал свиданья. Берег. Нередко...».....125	Екатерининское141
«Война не где-то, а везде...»126	Аритмия142
Прощание славянки.....127	Жизнь о любви. Монологи.....151
Песня о гражданской войне128	«В начале было слово...».....173

Виктор Викторович Гаврилов

Маятник звезды

Стихи

Редактор М. А. Безденежных

Корректор Д. В. Петелина

Дизайн-верстка В. В. Руссу

Подписано в печать 28.04.2015 г.

Формат 70х100/32. Усл. печ. л. 7,15. Бумага офсетная.

Гарнитура Myriad Pro. Печать офсетная.

Тираж 521 экз. Заказ № 35187

Отпечатано в типографии ООО «ИПЦ «Экспресс»,

г. Тюмень, ул. Минская, 3г, корп. 3,

тел. 8 (3452) 41-99-30.

